



АННА
УАЙТЛОК
В ПОСТЕЛИ
с Елизаветой

ИНТИМНАЯ ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОГО
КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА



Анна Уайтлок

В постели с Елизаветой.

Интимная история английского

королевского двора

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11635724

*Анна Уайтлок. В постели с Елизаветой. Интимная история
английского королевского двора: Центрполиграф; Москва; 2015
ISBN 978-5-227-06119-5*

Аннотация

Анна Уайтлок занимает почетное место среди ведущих и самых читаемых историков династии Тюдоров. Личность Елизаветы I Английской и эпоху ее правления автор рассматривает под неожиданным углом, позволяя читателю заглянуть в святая святых королевы – ее личные покои, где действуют не только и не столько ее фавориты, но самые близкие к ней люди – камер-фрейлины. Эти дамы обладали значительной властью и влиянием, способны были что-то подсказать королеве. Они видели Елизавету без прикрас, одевали ее, готовили для нее косметические средства, ухаживали во время болезни и часто спали с ней в одной постели. Перед нами увлекательная, со многими подробностями, основанными на документах, дневниках очевидцев, письмах и памфлетах, биография одной из самых великих правительниц мира.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| От автора | 6 |
| Пролог | 7 |
| Глава 1 | 19 |
| Глава 2 | 28 |
| Глава 3 | 41 |
| Глава 4 | 54 |
| Глава 5 | 70 |
| Глава 6 | 79 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 96 |

Анна Уайтлок

В постели с Елизаветой.

Интимная история английского королевского двора

Посвящается Кейт

Уверяю вас, мы, государи, стоим словно на подмостках, и весь мир пристально наблюдает за нами... самые маленькие пятнышки на нашей одежде бросаются в глаза, любой изъян в наших поступках тут же замечают.

Елизавета I

Он добровольно, искренне и с пылкой убежденностью поклялся, что никогда не знал ее в плотском смысле, и таково же было мнение моей матери, которая на протяжении 20 лет служила камер-фрейлиной ее величества и часто делила с королевой постель.

Джон Харингтон, крестник королевы, о ее отношениях с сэром Кристофером Хаттоном²

Положение нашей страны зависит от существования только одного человека, нашей

повелительницы.

Уильям Сесил, лорд Бёрли³

ANNA WHITELOCK
THE QUEEN'S BED

Copyright © 2013 by Anna Whitelock

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

От автора

Во всех случаях, кроме особо оговоренных, даты приводятся по старому стилю – то есть по юлианскому календарю, введенному в 45 г. до н. э. В феврале 1582 г. папа Григорий XIII ввел новое летоисчисление; согласно папской булле, после 4 октября 1582 г. следовало 15 октября, а новый год должен был начинаться 1 января, а не 25 марта, в день Благовещения, как раньше. Англия, не признававшая папской власти, не приняла новый григорианский календарь, и до 1751 г. английское летоисчисление на 10 дней отставало от летоисчисления католических стран Европы.

Все цитаты приводятся в современном варианте написания.

Пролог

Злонамеренная клевета

Тринадцатилетняя Елизавета отличалась серьезностью и поразительной красотой. Современники восхищались ее белой кожей, золотисто-рыжими волосами, тонким лицом и пронизательными угольно-черными глазами. На портрете того времени художник изобразил ее в алом парчовом платье с длинными, широкими рукавами и пышной юбкой, богато украшенной золотым шитьем.⁴ Тесный лиф едва заметно подчеркивает грудь расцветающей девушки. На голове у Елизаветы так называемый арселе, или «французский чепец». На шее – жемчужное ожерелье. Головной убор, платье и нижняя рубаха также расшиты жемчугом – символом девственности. Ее длинные тонкие пальцы, унизанные кольцами, сжимают молитвенник с лентой вместо закладки. Она стоит перед кроватью; ее фигура выделяется резким контрастом на фоне задернутых темных штор.

Именно здесь, в спальне Елизаветы, произошло одно из самых важных для формирования ее личности событий. Именно в спальне впервые в жизни девушки ее непорочность подверглась сомнению, ее тело стало предметом слу-

⁴ Janet Arnold, 'The Picture of Elizabeth I When Princess', см.: *The Burlington Magazine*, 113, № 938 (1981), 303–304.

хов и домыслов, а постель — тем местом, где она, как считалось, утратила свое доброе имя.

В январе 1547 г., после смерти Генриха VIII, юная Елизавета поселилась со своей мачехой Катериной Парр в поместье Олд-Манор в Челси, на берегу Темзы. В предшествующие годы Катерина и Елизавета очень подружились; их объединяли общие духовные и религиозные интересы.⁵ Однако вскоре дружба мачехи и падчерицы подверглась суровому испытанию. В апреле, всего через четыре месяца после кончины Генриха, Катерина Парр вышла замуж за Томаса Сеймура, дядю юного Эдуарда VI и брата Эдварда Сеймура, герцога Сомерсета, лорда-протектора при молодом короле.⁶ Томас Сеймур был моложавым и привлекательным холостяком. Высокий, хорошо сложенный, с золотисто-каштановыми волосами и бородой, Сеймур славился пылкостью натуры и неумным тщеславием. Первоначально он рассчитывал жениться либо на принцессе Марии, либо на принцессе Елизавете, чтобы с их помощью подняться к вершинам власти, но, поняв, что Тайный совет не даст своего согласия на такой брак, Сеймур решил обратить свой взор на следующее по важности лицо — вдовствующую королеву Ка-

⁵ Maria Perry, *Elizabeth I, The Word of a Prince: A Life from Contemporary Documents* (London, 1990), 31–35. См.: David Starkey, *Elizabeth: Apprenticeship* (London, 2001), 41–49.

⁶ *A Chronicle during the Reigns of the Tudors from 1485–1559* by Charles Wriothesley, *Windsor Herald*, ed. W. D. Hamilton, in 2 vol., Camden Society № 11, 20, in 2 vol. (London, 1875–77), т. I, 182.

терину Парр. Ходили слухи, что еще до того, как Катерина вышла за Генриха VIII, она была влюблена в Сеймура. С ее стороны Сеймур сопротивления не встретил. Они тайно обвенчались в середине апреля 1547 г., и Сеймур стал отчимом Елизаветы. Он поселился в Челси вместе с принцессой и Катериной. Весь следующий год по утрам отчим регулярно заходил в спальню Елизаветы. Он отпирал дверь и тихо проникал в комнату падчерицы. Если принцесса не спала, он «желал ей доброго утра», спрашивал, как она себя чувствует, и «фамильярно хлопал ее по заду». Если Елизавета еще лежала в постели, он отдергивал полог и «притворялся, будто вот-вот набросится на нее», а она забивалась в самый дальний угол. Однажды утром, когда он попытался поцеловать лежавшую в постели Елизавету, Кэт Эшли,⁷ наставница, растившая принцессу с детства, «пристыдила его и прогнала».⁸ Однако встречи продолжались. Однажды, когда все домочадцы находились в его лондонском поместье, Сеймур нанес Елизавете очередной утренний визит в ее спальне. Он пришел «с голыми ногами», облаченный лишь в ночную рубаху и халат. Кэт Эшли сделала ему выговор за «такой неприличный вид в девичьих покоях», и он в гневе выбежал прочь.⁹ В мидлсекском поместье Хенуорт, также принадле-

⁷ В других источниках ее фамилия передается как Астли. (*Примеч. пер.*)

⁸ Samuel Haynes, *A Collection of State Papers.... Left by William Cecil Lord Burghley and Now Remaining at Hatfield House* (London, 1740), 99.

⁹ Ibid.

жавшем Катерине Парр, вдовствующая королева навещала Елизавету по утрам вместе с Сеймуром. Однажды они оба щекотали лежавшую в постели принцессу. В тот же день в саду Сеймур разрезал платье Елизаветы на мелкие кусочки, а Катерина держала ее.¹⁰

Соучастие Катерины в делах мужа озадачивает больше, чем что-либо другое. Вскоре после свадьбы она забеременела; возможно, в силу своего положения она стала более ревнивой, и ревность толкала ее на отчаянные шаги. Возможно, принимая участие в сомнительных играх Сеймура, она пыталась сохранить его любовь к себе. Может быть, она боялась, что у Елизаветы развилось нечто вроде девичьего влечения к отчиму. Как бы там ни было, забавы мужа вскоре надоели Катерине, и в мае 1548 г. Елизавету послали жить к сэру Энтони Денни и его жене Джоан в замок Чезент в графстве Хартфордшир. Денни был видным членом правительства при Эдуарде, а Джоан приходилась родной сестрой Кэт Эшли. Перед тем как Елизавета покинула дом мачехи, Катерина, которая тогда была на шестом месяце беременности, многозначительно предупредила падчерицу о том, сколь пагубными могут оказаться сплетни для ее доброго имени.¹¹ В Чезенте Елизавету держали в уединении; поползли слухи о том, что она ждет ребенка от Томаса Сеймура. Кэт Эшли сообщала, что принцессе всего лишь нездоровится, однако

¹⁰ Ibid.

¹¹ Haynes, *Burghley State Papers*, 96; *Elizabeth I: Collected Works*, 17–18.

сплетни продолжались. По словам местной повитухи, как-то вечером ее увели из дома с завязанными глазами, чтобы помочь какой-то даме «в богатом доме». Она вошла в комнату, освещенную свечами, и увидела на постели «очень красивую молодую леди», у которой начались роды. Повитуха утверждала, что родившегося ребенка убили, ей же велели хранить все произошедшее в тайне. Она заподозрила, что молодая дама занимала очень высокое положение. Зная, что Елизавета живет совсем недалеко, в Чезенте, повитуха решила, что принимала роды у принцессы.¹²

5 сентября Катерина Парр родила дочь, которую называли Мэри. Через неделю после родов мать умерла от родильной горячки.¹³ Томас Сеймур быстро забыл жену и вспомнил о своих политических амбициях. Он снова вознамерился жениться на принцессе Елизавете. Кэт Эшли, ранее не одобрявшая поведения Сеймура, так как он был женат, стала пылкой сторонницей брака между Сеймуром и своей юной подопечной. Но когда лорд-протектор герцог Сомерсет узнал об изменнических намерениях родного брата, Сеймура арестовали и обвинили в заговоре с целью свержения правительства протектора и женитьбы на наследнице престола.¹⁴ Че-

¹² J. Stevenson (comp.), *The Life of Jane Dormer, Duchess of Feria by Henry Clifford* (London, 1887), 86–87.

¹³ Мэри Сеймур исчезает из исторических хроник после 1550 г.; скорее всего, она умерла в двухлетнем возрасте.

¹⁴ *APC* (1547–1550), 236–238. См.: G. W. Bernard, 'The Downfall of Sir Thomas Seymour' в сборнике под его ред. *The Tudor Nobility* (Manchester, 1992), 212–240.

рез несколько дней Кэт Эшли и сэра Томаса Парри, государственного казначея, доставили в Тауэр, где их допросил сэр Роберт Тируит, служивший главным конюшим при дворе Катерины Парр. Тируит желал знать, что им известно о злоумышлениях Сеймура и его желании жениться на Елизавете. Когда принцессе рассказали о том, что близкие ей люди арестованы, она «невероятно смутилась и очень долго рыдала». Допросы продолжались; в то же время усилились слухи о том, что Елизавета беременна от своего отчима. В пылком письме к лорду-протектору Сомерсету от 28 января принцесса отрицала все обвинения и требовала, чтобы Тайный совет немедленно предпринял шаги по предотвращению распространения таких злостных слухов: «Мастер Тируит и другие сообщили мне о слухах, которые ходят за границей... Они подвергают сомнению и мою честь, и мою искренность... будто бы я в Тауэре и жду ребенка от лорд-адмирала». Подобные слухи Елизавета назвала «злонамеренной клеветой», которую Тайный совет должен публично осудить. Елизавета обратилась к лорду-протектору с петицией: она просит дозволения явиться ко двору, где она покончит с ложными обвинениями и докажет, что не ждет ребенка.¹⁵

Кэт Эшли посадили в одну из самых мрачных и неудобных камер Тауэра в попытке сломить ее дух и вынудить к признанию. Она умоляла, чтобы ее перевели в другую тюрьму: «Сжальтесь надо мной... и позвольте переменить тюрь-

¹⁵ Haynes, *Burghley State Papers*, 89–90.

му, ибо здесь так холодно, что я не могу спать, и так темно, что я ничего не вижу даже днем, а окно затыкаю соломой, так как в нем нет стекла». Впрочем, Кэт Эшли сохранила верность Елизавете и не рассказала ничего о том, что творилось в доме, и об отношениях принцессы с ее отчимом. «Память меня подводит, – сказала Кэт своим следователям, – что могут подтвердить моя госпожа, родные и муж, а от пережитых страданий она стала еще хуже».¹⁶ Итак, Елизавета и ее гувернантка хранили молчание и верность друг другу. Однако сэр Томас Парри под нажимом сломался и через месяц после ареста поведал Тируиту, что происходило между Сеймуром и Елизаветой: «Помню также, как она (Эшли. – А. У.) говорила мне, что адмирал очень любит ее, причем уже давно; а королева ревновала его к ней. Ревность была столь сильной, что однажды королева, заподозрив, что адмирал пользуется благосклонностью леди Елизаветы, внезапно ворвалась в ее комнату и застала их, когда они находились наедине (он сжимал ее в объятиях). После того королева лишила их обоих, и ее, и лорд-адмирала, своей благосклонности».¹⁷

Похоже, именно после этого происшествия Елизавету услали из дома Катерины Парр.

У Кэт Эшли не оставалось другого выхода; она поведала подробности, которые до того надеялась утаить. Сеймур «набрасывался» на Елизавету в ее спальню, щекотал, целовал

¹⁶ TNA SP 10/6, l. 57.

¹⁷ Haynes, *Burghley State Papers*, 96.

ее... да, под конец Кэт «желала и открыто, и в глубине души», чтобы Елизавета и Сеймур «поженились».¹⁸ Она признала, что ее помыслы об их свадьбе были «огромной глупостью», и обещала, что, если вернется к Елизавете, больше такого не повторится.

Посыльного сейчас же отправили в Хатфилд, дворец из красного кирпича, расположенный примерно в 30 милях к северу от Лондона, где тогда жила принцесса. Елизавете показали признание ее воспитательницы.¹⁹ Она пришла в ужас оттого, что стали известны подробности ее отношений с Сеймуром, однако ни в чем не обвиняла ни Кэт Эшли, ни Парри. «Никоим образом не признается она, что мистрис Эшли или Парри принуждали ее к каким-либо занятиям с милордом адмиралом, ни устно, ни письменно», – сообщал Тируит.²⁰

Елизавета отказалась как подтвердить, так и опровергнуть слухи о своей якобы физической близости с Сеймуром. Она настаивала, что ни за что не вышла бы замуж без согласия Тайного совета. Тируита ее слова не убедили: «Я вижу по ее лицу, что она виновна».²¹

Совет постановил, что Эшли «не годится» для того, чтобы дать Елизавете «надлежащие образование и воспитание». Вместо нее наставницей Елизаветы назначили леди Тиру-

¹⁸ Ibid., 99–101.

¹⁹ Ibid., 102.

²⁰ *CSP Dom*, 1547–1553, 82; *APC* (1547–1550), 240.

²¹ Haynes, *Burghley State Papers*, 70.

ит, жену того самого человека, который допрашивал Елизавету.²² Елизавета очень горевала из-за отставки Кэт Эшли; она «приняла случившееся так близко к сердцу, что проплакала всю ночь и хмурилась весь следующий день». Сэр Роберт Тируит добавил в своем докладе совету: «Любовь, которую она питает к ней [Кэт Эшли], достойна удивления».²³ В начале марта, когда Елизавета узнала, что Сеймура признали виновным в государственной измене и приговорили к смерти, она написала лорду-протектору и умоляла освободить Кэт, боясь, что ее бывшую воспитательницу постигнет та же участь. Она просила лорда-протектора учесть верную службу Кэт: «Она пробыла со мной долгое время, много лет, и предприняла много усилий и мук, чтобы дать мне образование и сделать правдивой». Елизавета напоминала: как бы Кэт ни уговаривала ее выйти замуж за Сеймура, она ничего бы не предприняла без одобрения Тайного совета. В конце письма она добавляла: продолжительное тюремное заключение Эшли «непременно наводит на мысль, что я и сама не без греха, но меня простили в силу моей юности, а особа, которую я так любила, находится в таком месте».²⁴ Тактика Елизаветы оказалась верной; из Тауэра освободили и Эшли, и Парри, хотя Кэт и ее мужу Джону еще два года не позво-

²² Ibid., 107.

²³ Ibid., 108–109.

²⁴ BL Lansdowne MS 1236, l. 35; Henry Ellis (comp.), *Original Letters Illustrative of English History*, in 11 vol. (London, 1824–1846), is. 3, II, 153–155.

ляли вернуться на службу к Елизавете.²⁵

Отсутствие Кэт ощущалось всегда очень остро. Эшли растит Елизавету, лишившуюся матери в раннем детстве. Анну Болейн казнили, когда Елизавете было всего два года. Кэт Эшли относилась к Елизавете с поистине материнской заботой. И, став старше, Елизавета полагалась на поддержку и утешение своей воспитательницы. Несмотря на временную разлуку, их близость выдержала проверку временем. Кэт Эшли останется постоянной и верной спутницей Елизаветы. Она умрет лишь через восемнадцать лет, когда королева Елизавета окажется на вершине славы.

Повышенная чувствительность Елизаветы по отношению к слухам и скандалам начиная с очень раннего возраста лишь усиливала подозрения о ее интимной близости с отчимом; серьезность обвинений подтверждают продолжительные допросы самой принцессы и ее домочадцев.²⁶ Главной добродетелью незамужней женщины считалась целомудренность. Хуан Луис Вивес, автор «Руководства христианки», выпитого Екатериной Арагонской для своей дочери Марии в

²⁵ См.: Sheila Cavanagh, 'The Bad Seed: Princess Elizabeth and the Seymour Incident' // Julia M. Walker (comp.), *Dissing Elizabeth: Negative Representations of Gloriana* (London, 1998), 9–29. См. также: Janel Mueller, 'Elizabeth Tudor. Maidenhood in Crisis' // *Elizabeth I and the 'Sovereign Arts', Essays in Literature, History and Culture*, Donald Stump, Linda Shenk (comp.) (Arizona, 2011), 15–28.

²⁶ Marc Shell, *Elizabeth's Glass* (Lincoln, Nebraska, 1993). См.: J. Dewhurst, 'The Alleged Miscarriages of Catherine of Aragon and Anne Boleyn', *Medical History*, 28 (1984), 49–56.

1523 г., подробно распространяется об опасных подозрениях, возникавших вследствие запятнанной репутации. «Стоит девушке лишиться невинности, — пишет он, — и все начнут злословить о ней, а мужчина, который, возможно, в ином случае захотел бы на ней жениться, будет совершенно ее избегать». Целомудрие считалось эквивалентом добродетели вообще. Родителям Вивес советует обращать особое внимание на дочерей в начале переходного возраста и оберегать их от всяческого общения с мужчинами, ибо в тот период «они особенно склонны к похоти». Трактат Вивеса касался даже таких вопросов, как постель молодой женщины. Постельное белье должно быть «скорее чистым, чем роскошным, дабы сон девицы был безмятежным, а не чувственным».²⁷ Целью женского образования, по Вивесу, также следует считать сохранение целомудрия, приучение молодых женщин к добродетельному поведению и отвлечение от искушений плоти.²⁸ Поэтому в программу образования девиц следует включать изучение «той части философии, которая считает своей задачей складывание и укрепление нравственных принципов». Вивес рекомендует молодым женщинам читать Евангелие, Деяния апостолов, «а также послания апостолов, исторические и нравственные книги Ветхого Завета», произведения Отцов Церкви; также раннехристианских писателей, таких

²⁷ J. L. Vives, *De Institutione Feminae Christianae*, C. Fantazzi and C. Matheeussen (comp.), in 2 vol. (Leiden, 1996), 63, 65, 71.

²⁸ Ibid., 40–41.

как Платон, Сенека и Цицерон, и христианских поэтов вроде Пруденция. Женщинам следует также выписывать и учить наизусть «мудрые и святые мысли из Священного Писания или... философов».²⁹

Хотя Роджер Эшам, который в 1548 г. стал наставником Елизаветы, превозносил целомудрие и женскую добродетель своей ученицы, его радовали и не такие «женственные» ее достижения: эрудиция, тяга к знаниям, «свободным от женской слабости», ее не по годам развитой ум, «с мужской силой применяемый». Елизавета была искусной переводчицей и лингвистом, бегло говорила по-французски и по-итальянски, интересовалась естественными науками, философией и историей. Короче говоря, Елизавета обладала «мужской мудростью» и умом, заключенными в теле, которое считалось низшим с физической точки зрения, слабым с точки зрения нравственности, нуждавшимся в мужском руководстве. Какими бы ни были ее интеллектуальные достижения, ее репутация всегда ставилась в зависимость от того, целомудренна она или нет.³⁰ Помимо уроков в классе, отношения с отчимом в 1547–1548 гг. научили Елизавету, что ее доброе имя – это политический капитал. И главными хранительницами ее чести становились ее приближенные, фрейлины, которые ей служили.

²⁹ Ibid., 41, 51–53.

³⁰ См.: Frank A. Mumby, *The Girlhood of Queen Elizabeth: A Narrative in Contemporary Letters* (London, 1909), 69–72.

Глава 1

Королева: едина в двух лицах

Постель королевы находилась в самом сердце двора. Здесь королева могла наконец отдохнуть, сюда она могла уйти после напряженных событий дня. И все же королевская опочивальня была не просто местом для сна и отдыха. Постель королевы была сценой, на которой королева возлежала каждую ночь. То была не обычная, а государственная постель, и ночью, как и днем, королеву окружали все внешние атрибуты королевской власти.

У королевы Елизаветы, конечно, была не одна постель. Все ее кровати пышно украшались, расписывались яркими цветами, для них заказывали роскошные ткани. Все ложа были достойны своей хозяйки. Во дворце Ричмонд Елизавета спала на изысканной кровати в форме лодки с пологом «цвета морской волны» и укрывалась светло-коричневым покрывалом, расшитым блестками. Каркас кровати, стоявшей во дворце Уайтхолл, сделали из нескольких пород разноцветного дерева; полог сшили из индийского шелка, расписанного вручную. Любимая кровать, которую Елизавета брала с собой, когда двор переезжал с места на место, была изготовлена на резном деревянном каркасе, искусно раскрашенном и позолоченном, с подзором из серебра и бархата,

занавесями, отделанными пуговицами из драгоценных камней и золотым и серебряным кружевом, и изголовьем из алого атласа, украшенного страусовыми перьями.

В своей опочивальне Елизавета могла разоблачиться, снять макияж и отдохнуть от придворной суеты. Здесь ей прислуживали дамы, знавшие королеву лучше всех. Они находились при королеве, когда та одевалась, ела, принимала ванну, ходила в туалет и спала. Елизавета никогда не оставалась одна; в одной с ней постели или в специальной постели, которую ставили рядом, всегда спал кто-то из особо приближенных женщин. С ними Елизавета беседовала, рассказывала свои сны, хорошие или страшные, просила у них совета. Известно, что Елизавета часто страдала бессонницей и боялась темноты. Все ее тревоги усиливались в темноте, когда она оставалась в опочивальне. Именно здесь она, боясь многочисленных врагов и преследуемая ночными кошмарами, часто брала назад решения, принятые при свете дня. В те дни довольно обычным делом было делить постель с компаньоном одного с тобой пола; совместный сон сулил тепло, утешение и безопасность. Женщины, спавшие в одной постели с Елизаветой, пользовались ее величайшим доверием, так как с ними она общалась наиболее тесно и близко.³¹

³¹ См.: Vincent Joseph Nardizzi, Stephen Guy-Bray, Will Stockton (comp.), *Queer Renaissance Historiography, Backward Gaze* (Farnham, 2009). Алан Брей в своем плодотворном труде, посвященном мужской дружбе, показал, что мужчины часто прикасались друг к другу, вместе ели и спали в одной постели без какого-либо сексуального контекста. См.: A. Bray, *The Friend* (Chicago, 2003). Труднее утвер-

Спальня королевы Елизаветы одновременно являлась местом личным и публичным. Тело королевы считалось не просто плотью; королева была едина в двух лицах, являясь лицом физическим и одновременно юридическим, так как олицетворяла все государство. Здоровье и добродетельность Елизаветы как физического лица знаменовали собой силу и стабильность государства. Болезнь, сексуальная распущенность и бесплодие считались политическими проблемами, и именно камер-фрейлины охраняли правду, тесно связанную с благополучием королевы и, следовательно, государства.

Незамужняя королева внушала опасения. Женщины обязаны были выходить замуж, и решение Елизаветы оставаться незамужней вступало в противоречие с ожиданиями общества. Женщины считались существами низшими по сравнению с мужчинами и потому обязаны были по Божьей воле подчиняться им. Женщины, которые игнорировали религиозные заповеди и не подчинялись мужской власти, потенциально являлись источниками беспорядка и сексуальной распущенности. Медики того времени полагали, что тело женщины постоянно находится в неустойчивом состоянии и потому изначально обладает опасными качествами.³²

ждать то же самое о женщинах, поскольку женская дружба с политической точки зрения считалась «маловажной».

³² См.: Judith M. Richards, 'To Promote a Woman to Beare Rule: Talking of Queens in Mid-Tudor England', *The Sixteenth-Century Journal*, 28. 1 (1997), 101–121; Constance Jordan, 'Women's Rule in Sixteenth-Century British Political Thought', *Renaissance Quarterly*, 40 (1987), 421–451; Paula Louise Scalingi, 'The

На подобную точку зрения влияло богословие: раз нравственная и умственная неустойчивость Евы заложила основу для грехопадения, все женщины обладают теми же изъянами, что и их прародительница. В то время как мужская сила предшественников Елизаветы символизировала политическую власть, «развращенность» или «слабость» Елизаветы как физического лица подрывали общее положение страны. Женщины обязаны были хранить свою честь, не только храня целомудрие, но и поддерживая свою репутацию соответствующим скромным и строгим поведением. Испорченная репутация, даже павшая жертвой клеветы и наветов, ставила под удар общественное положение женщины. Более того, Елизавета была дочерью Анны Болейн, «королевской шлюхи», и потому служила живым символом разрыва с Римом.³³ Для Филиппа II Испанского, семейства Гиз во Франции и папы римского Елизавета была незаконной по рождению и по вере. Более достойной претенденткой для них была Ма-

Scepter or the Distaff: The Question of Female Sovereignty, 1515–1607', *The Historian*, 42 (November, 1978), 59–75. См. также: Margaret R. Somerville, *Sex and Subjection: Attitudes to Women in Early Modern Society* (London, 1995), Jacqueline Eales, *Women in Early Modern England: 1500–1700* (London, 1998); P. Crawford, 'Sexual Knowledge in England, 1500–1700' // R. Porter and M. Teich (comp.), *Sexual Knowledge, Sexual Science: The History of Attitudes to Sexuality* (Cambridge, 1994), 92–106. См. также: Lawrence Stone, *The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800* (New York, 1977).

³³ См., напр.: LP, 1536, 47–54. Шапои, посол императора Карла V, открыто называет Елизавету «маленьким бастардом», см. 51.

рия Стюарт, королева Шотландии.³⁴ Мария была внучкой Маргариты, сестры Генриха VIII, которая вышла за короля Шотландии Якова V, и дочерью Марии де Гиз. Гизы считались одной из наиболее влиятельных, тщеславных и ревностных католических семей во Франции. В апреле 1558 г., всего за полгода до вступления Елизаветы на престол, этот франко-шотландский альянс был скреплен браком шестнадцатилетней Марии Стюарт и Франсуа де Валуа, французского дофина. С того дня, как Елизавета стала королевой, Мария Стюарт не переставала заявлять о своих правах на английский трон.³⁵ Ставки не могли быть выше; королева как физическое лицо оказалась в эпицентре драмы, охватившей всю Европу. В религиозной войне, разделившей Европу, в центре конфликта очутились Елизавета как физическое лицо и ее постель.³⁶ За все время ее правления ходило немало

³⁴ Елизавета считалась третьей в очереди престолонаследия (1544). Два года спустя Генрих VIII включил ее в свое завещание, однако не аннулировал Акт о престолонаследии 1536 г., по которому она провозглашалась незаконнорожденной. Последнее послужило основой для притязаний Марии Стюарт, чему сам Генрих VIII всячески противился. Генрих считал, что своим завещанием он устанавливает четкий порядок престолонаследия и устраняет претензии Стюартов. Его документ положил конец строгим правилам передачи престола по наследству. В том случае, если его дети умрут, не произведя на свет наследников, корона должна была перейти к потомкам герцогини Суффолк. Подробности см.: Mortimer Levine, *Tudo Dynastic Problems, 1460–1571* (London, 1973) и его же *The Early Elizabethan Succession Question, 1558–1568* (Stamford, 1996).

³⁵ A. N. McLaren, 'The Quest for a King: Gender, Marriage and Succession in Elizabethan England', *Journal of British Studies*, 41 (July, 2002), 259–290.

³⁶ Susan Dunn-Hensley, 'Whore Queens: The Sexualised Female Body and the

слухов о ее любовниках и незаконнорожденных детях. Католики выражали сомнения в добродетельности Елизаветы и обвиняли ее в «грязной похоти», которая «марает и ее саму, и всю страну».³⁷ Они объявляли, что Елизавета не замужем из-за своих непомерных сексуальных appetитов – ей трудно ограничиться одним мужчиной. Одни утверждали, что у нее есть внебрачная дочь; другие – что у нее был сын, а третьи – что она физически не способна иметь детей. Подвергая сомнению здоровье, целомудрие и плодовитость королевы как физического лица, противники Елизаветы как в самой Англии, так и в Европе бросали вызов всему протестантскому государству. На протяжении полувека европейские дворы полнились слухами о поведении Елизаветы. Король Франции шутил: один из самых великих вопросов столетия состоял в том, «девица королева Елизавета или нет».³⁸

За более чем полвека своего правления Елизавета сильно изменилась. Из молодой, энергичной королевы с красивым бледным лицом, золотистыми волосами и стройной фигурой она постепенно превратилась в морщинистую старую женщину с гнилыми зубами, которая увешивала себя драгоцен-

State'//Carole Levin, Jo Eldridge Carney and Debra Barrett-Graves (comp.), *High and Mighty Queens of Early Modern England: Realities and Representations* (Basingstoke, 2003), 101–116.

³⁷ William Allen, *An Admonition to the Nobility and People of England and Ireland...* (Antwerp, 1558), xviii.

³⁸ Francis Osborne, *Historical Memoires on the Reigns of Queen Elizabeth and King James* (London, 1658), 61.

ностями и не жалела белил и румян, стараясь отвлечь внимание от своего изрытого оспой лица; она носила рыжий парик, чтобы скрыть лысеющую голову. После того как королева разменяла четвертый десяток, так и не выйдя замуж и не произведя на свет наследника, после того как она начала стареть и слабеть, в стране усилились страхи. Поскольку порядок престолонаследия не был установлен, для Елизаветы было все важнее скрывать признаки возраста. Королева как физическое лицо «правила себя» с помощью своего образа как лица юридического. Лишь в спальне она могла оставаться собой.

«Доступ к телу» королевы тщательно контролировался, как и его изображения на портретах. Образ королевы должен был сохранять молодость, что непременно скрывало факт ее физического угасания. На картинах она должна была выглядеть такой же, какой представляла перед подданными, выйдя из спальни: в мантии, драгоценностях, парике, накрашенная. В обязанность камер-фрейлин входило создание сложного произведения – вечно молодой королевы. Елизавета так желала сохранить видимость молодости, что даже субсидировала поиски философского камня, эликсира жизни, который обеспечивает вечное здоровье и бессмертие.

Помимо слухов и клеветы, королева как физическое лицо и ее спальня служили центром притяжения для наемных убийц. Настроенные против Елизаветы религиозные фанатики плели заговоры, продумывая покушения на нее. Сохра-

нение протестантского государства зависело от жизни королевы, и королевская опочивальня превращалась в последний рубеж обороны от будущих наемных убийц, которые мечтали свергнуть режим. Одни заговорщики планировали пронести в королевскую опочивальню порох и взорвать королеву во сне; другие собирались отравить ее во время верховой прогулки, охоты или за ужином. Камер-фрейлины Елизаветы, делившие с ней постель и охранявшие ее сон, оберегали не только ее целомудрие; они также защищали королеву как физическое лицо от покушений. Они дегустировали все блюда, которые подавались к королевскому столу, пробовали духи, которые привозили ее величеству, и ежевечерне обыскивали спальню.³⁹ Их присутствие было необходимо не только из соображений приличия, но и из соображений безопасности.

Поскольку Елизавета допускала к себе лишь самых верных и преданных дам, родственники некоторых из них пытались воспользоваться их привилегиями и близостью к королеве в собственных корыстных или даже изменнических интересах. Королева как физическое лицо считалась средоточием всей страны, поэтому забота о королеве и «доступ к телу» считались важной политической привилегией. Проводя с Елизаветой дни и ночи, одевая ее и готовя «к выходу», ее приближенные замечали все телесные перемены, заботились о ней в случае нездоровья, разделяли ее ночные

³⁹ BL Cotton MS Galba C IX, l. 128.

страхи, смеялись и плакали с ней вместе и оберегали ее от враждебных сплетен. Иностранные послы заискивали перед камер-фрейлинами, пытаясь через них узнать о жизни королевы. В депешах передавались самые интимные подробности, например сведения о непродолжительных и нерегулярных месячных Елизаветы, а также истории о ее предположительных любовниках, таких, например, как Роберт Дадли, сэр Кристофер Хаттон и герцог Анжуйский, которые «домогались ее в постели».⁴⁰

⁴⁰ Edmund Bohun, *The Character of Queen Elizabeth; or a full and clear account of her policies* (London, 1693), 73. В их число входили также Эдвард Куртене, Филипп Испанский, Эрик Шведский и два французских герцога, герцог Норфолк, граф Арундел, сэр Уильям Пикеринг, Роберт Дадли.

Глава 2

Королева умерла, да здоровствует королева!

Ранним утром 17 ноября 1558 года, в четверг, при слабом пламени свечей в своей спальне в лондонском Сент-Джеймском дворце умирала королева Мария I. За три месяца до того, приехав из Хэмптон-Корт, она заболела инфлюэнцей и с тех пор не вставала с постели. С каждым днем она все больше слабела.⁴¹ В том же году Мария написала завещание, но, решив, что беременна, она распорядилась, чтобы ей наследовал ребенок, которого она произведет на свет. В конце октября Мария, уже серьезно больная, вынуждена была добавить к завещанию дополнительный пункт, в котором говорилось, что она «больна и слаба телом», не произведет на свет ребенка и ей наследует «ближайшая родственница и преемница по законам и актам данного государства».⁴² Однако тогда она еще не могла заставить себя признать наследницей единокровную сестру Елизавету. Две недели спустя, под давлением своих советников, Мария все же вынуждена была подчиниться неизбежному и назвать Елизавету своей наследни-

⁴¹ Stevenson (comp.), *Life of Jane Dormer*, 69.

⁴² BL Harleian MS 6949 – расшифровка завещания.

цей.⁴³ Джейн Дормер, ярая католичка и одна из самых доверенных фрейлин королевы, которая «много раз спала в опочивальне Марии вместе с ней», поехала к Елизавете в Хатфилд и, в знак верности, передала ей некоторое количество драгоценностей Марии из королевской опочивальни. Мария попросила у Елизаветы заверения в том, что та будет милостива к ее приближенным, выплатит долги Марии и сохранит в Англии католическую веру.⁴⁴ Передавая Елизавете ее слова, Джейн Дормер, верная наперсница Марии, выполнила ее последнюю волю. Вся страна затаив дыхание ждала новостей из королевской опочивальни.

16 ноября около полуночи Марию соборовали. Через несколько часов она прослушала мессу; вокруг ее постели собрались самые близкие ей придворные дамы. Во время службы все рыдали. В начале седьмого утра Мария умерла. С ее пальца сняли кольцо, которое сэр Николас Трокмортон отвез в Хатфилд, где сообщил Елизавете, что теперь она – королева Англии. К обеду сделали объявление в парламенте; в середине дня во всех лондонских церквах звонили колокола. На улицах жгли костры, а подданные «проявляли великую радость».⁴⁵

Новая двадцатипятилетняя королева была энергичной,

⁴³ *CSP Span*, 1554–1558, 438.

⁴⁴ Stevenson (comp.), *Life of Jane Dormer*, 72; *CSP Span*, 1554–1558, 438.

⁴⁵ J. G. Nichols (comp.), *The Diary of Henry Machyn, Citizen, and Merchant Taylor of London, 1550–1563*, Camden Society, 43 (London, 1848), 178.

стройной, зрелой – и чрезвычайно привлекательной. От отца она унаследовала «тюдоровские» золотисто-рыжие волосы, длинное, овальное лицо, тонкие губы и очень белую кожу. От матери ей достались черные пронизательные глаза и тонкие пальцы.⁴⁶ Ростом она была около 5 футов 4 дюймов (164 сантиметра). После того как ее единокровная сестра Мария умерла, не оставив потомства, вступление на престол Елизаветы внушало надежды на молодость, здоровье и плодovitость.

Через три дня Елизавета произнесла первую публичную речь в большом зале Хатфилда. Речь получилась трогательной; Елизавете удалось сохранить равновесие между самоуничижением и властностью. Она выразила горе в связи со смертью сестры и изумление оттого, какая огромная ноша ей досталась. Но она была «Божьим созданием», и на то была Его воля, чтобы ее теперь призвали на престол. Елизавета отныне «едина в двух лицах»: она будет и «лицом физическим», то есть женщиной, подверженной ошибкам, слабости и старению, но помимо того она признавала, что должна стать и «лицом юридическим, дабы управлять».⁴⁷ После миропомазания на церемонии коронации ее «физическое лицо» будет сплавлено с непогрешимым, бессмертным юриди-

⁴⁶ R. Naunton, *Fragmenta Regalia, or Observations on the Late Queen Elizabeth, her Times and Favourites*, 1641, ed. E. Arber (London, 1879), 15.

⁴⁷ TNA SP 12/1/1, l. 12.

Среди тех, кто слушал речь молодой королевы, был Уильям Сесил, которого Елизавета чуть раньше в тот же день назначила Государственным секретарем. Сесил был хитроумен, верен и трудолюбив, и, хотя он как-то приспособился к правлению католички Марии I, он был стойким протестантом. Сесил станет одним из тех, на кого Елизавета будет полагаться почти весь срок своего правления. Сесил, как и все тайные советники Елизаветы, присягнул «давать такие советы ее величеству... которые будут наилучшим образом способствовать... безопасности ее величества лично и благу государства».⁴⁹ Присяге своей Уильям Сесил останется верен до конца дней.

Кроме того, Елизавета благоволила тем, кто противостоял католичеству в эпоху Марии и демонстрировал свою личную преданность ей самой. Она не забывала родственников и бывших союзников ее матери, Анны Болейн. Лорда Уильяма Говарда Эффингема, двоюродного брата ее матери,

⁴⁸ Marie Axton, *The Queen's Two Bodies: Drama and the Elizabethan Succession* (London, 1977), 12; см. также: Ernst Kantorowicz, *The King's Two Bodies* (Princeton, 1957) и Albert Rolls, *The theory of the King's Two Bodies in the Age of Shakespeare, Studies in Renaissance Literature*, 19 (Lewiston, Queenston and Lampeter, 2000). «К 1561 г. решено было с целью законной наделить королеву двумя лицами: лицом физическим и лицом юридическим». См.: Edmund Plowden, 'The Treatise of the Two Bodies of the King', BL Cotton MS Caligula B IV, l. 1–94. См. также: Marie Axton, 'The Influence of Edmund Plowden's Succession Treatise', *Huntington Library Quarterly* 37 (3) (1974), 209–226.

⁴⁹ TNA SP 12/1, l. 3 v.

она назначила лорд-камергером, а сэр Эдвард Роджерс, известный протестант, которого при Марии посадили в тюрьму, стал вице-камергером. Сэр Фрэнсис Ноллис, женившийся на троюродной сестре Елизаветы и также видный протестант, который в годы правления Марии вынужден был уехать в изгнание, был назначен в Тайный совет и позже заменил Роджерса на посту вице-камергера. Николас Бэкон, еще один видный протестант и зять Уильяма Сесила, стал лордом – хранителем Большой печати. Николас Трокмортон, кузен Катерины Парр, который познакомился с Елизаветой, когда та жила в доме мачехи, стал управляющим казначейством. Вскоре его назначили послом во Францию. Томас Парри, советник Елизаветы в те времена, когда она была принцессой, стал главным казначеем; королева вернула ему свою милость, несмотря на его откровения в «деле Сеймура». Как сообщал граф Ферия, посланник Филиппа II Испанского, «королевство всецело в руках молодых людей, еретиков и предателей; королева не благоволит никому из тех, кто был в фаворе у ее величества, которая теперь на небесах».⁵⁰

Хотя многие в Англии радовались вступлению на престол Елизаветы, ожидая решительного разрыва с католическим прошлым, не все мыслили одинаково. В завещании Генриха VIII Елизавета называлась наследницей Марии, однако католики считали ее незаконнорожденной, а брак Генриха с ее матерью Анной Болейн после того, как он отверг Екате-

⁵⁰ *CSP Span*, 1558–1567, 7.

рину Арагонскую, – недействительным. Законной наследницей английского престола католики считали не Елизавету, а Марию Стюарт, внучку Маргариты Тюдор, сестры Генриха VIII. Французы, с которыми Мария Стюарт состояла в кровном родстве через мать, Марию де Гиз, и брак с французским дофином Франсуа, немедленно оспорили право Елизаветы на престолонаследие. Как писал в декабре лорд Кобэм, тогдашний посол Елизаветы во Франции, они «не позволяют... называть ее светлость законной королевой Англии, и они уже послали в Рим, дабы опротестовать ее право». Как только французский король Генрих II узнал о смерти Марии I, он провозгласил свою невестку-католичку Марию Шотландскую «королевой Англии, Шотландии и Ирландии». На королевском гербе Англии, который украшал столовое серебро и мебель Марии Стюарт, появились гербы Шотландии и Франции.⁵¹ Одновременно кардинал Лотарингский, дядя Марии, уговаривал папу отлучить Елизавету от церкви, а Филиппа II Испанского подстрекал к совместному вторжению в Англию.⁵² Однако позиция Филиппа оказалась не такой определенной. Франция и Испания в то время по-прежнему находились в состоянии войны. Хотя Филипп инстинктивно поддерживал Марию Шотландскую, так как считал,

⁵¹ TNA SP 70/5, l. 31r – v; William Murdin, *A Collection of State Papers Relating to Affairs in the Reign of Queen Elizabeth left by Lord Burghley, from the year 1571 to 1596* (London, 1759), 748–749.

⁵² *CSP Span*, 1558–1567, 45.

что английской королевой должна стать католичка, он не предпринимал никаких действий в ее поддержку, потому что Мария Стюарт была невесткой его великого соперника, Генриха II. Однако, когда Елизавета решила положить конец участию Англии в войне с Францией, Филипп испугался, что она в конце концов заключит с Францией союз, который будет угрожать интересам Испании. Поэтому, хотя король Испании не предпринимал явных действий против Елизаветы, он тайно плел интриги, поддерживая соперницу Елизаветы.

В случае, если Елизавета умрет, не оставив наследников, Генрих VIII, исключивший из завещания всю линию Стюартов, потомков своей старшей сестры Маргариты Тюдор, вышедшей за короля Шотландии Якова IV, распорядился передать корону потомкам своей младшей сестры, Мэри Брэндон, герцогини Суффолк: леди Джейн, Кэтрин и Мэри Грей. В 1553 г., после того как Джейн Грей казнили за попытку узурпировать власть, Кэтрин Грей стала протестантской наследницей Елизаветы; иностранные принцы и представители английской знати наперебой домогались ее руки, надеясь на политически выгодную партию. Именно к ней обратился Филипп, поскольку Испания искала противовеса Марии Стюарт и ее французским родственникам.

Неудивительно, что Елизавета терпеть не могла Кэтрин Грей. Она ясно дала понять, что не желает видеть Кэтрин своей наследницей, даже если она умрет, не оставив прямых

потомков.⁵³ После коронации она понизила Кэтрин Грей и ее сестру Мэри из камер-фрейлин, кем они были при Марии I, до «просто фрейлин», чья служба в основном проходила в приемном зале. Кэтрин с горечью жаловалась на это испанскому послу Фериа. Она испытывала «недовольство и обиду», так как ее не удостоили высокой чести, которая соответствовала бы ее положению.⁵⁴ Летом 1559 г. и весной 1560 г. стало известно, что Филипп II собирается тайно вывезти Кэтрин Грей из Англии, выдать ее за своего сына и из Испании объявить о ее правах на английский престол.

30 июня король Франции Генрих II, великий соперник Филиппа, был смертельно ранен на турнире. Франциск (Франсуа) и Мария стали королем и королевой Франции; власть при французском дворе перешла к Гизам, дядям королевы. В попытке противостоять угрозе, которую отныне представляла Мария Стюарт, Елизавета решила вернуть свою благосклонность Кэтрин Грей. С 1560 г. она восстановила их с сестрой на прежних местах в королевской опочивальне – святая святых. Там они попадали под надзор верных, испытанных наперсниц королевы вроде Кэт Эшли.⁵⁵ По крайней мере, здесь сестры Грей находились у Елизаветы на глазах. Один из осведомителей Уильяма Сесила сообщал, что за сестрами Грей «неуклонно» следят и все их передви-

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid, 122.

⁵⁵ *HMC Salisbury*, I, 158.

жения находятся под пристальным наблюдением.⁵⁶

В дни сразу после восхождения Елизаветы на престол в Лондоне арестовали многих католиков. Шестерых мужчин обвинили в «сговоре» с целью подсчета «лет жизни королевы и длительности ее правления».⁵⁷ То был первый из нескольких заговоров против елизаветинского режима, в котором составлялись гороскопы или советовались с духами, чтобы предсказать неминуемую смерть королевы.⁵⁸ Французский предсказатель-католик Мишель Нострадамус также предвидел неминуемую катастрофу протестантской Англии; его пророчества были широко распространены по обе стороны Ла-Манша и усиливали брожение в массах. Как выразился один современник, «все государство было очень обеспокоено и задето откровенно непонятными и дьявольскими пророчествами этого звездочета Нострадамуса».⁵⁹

⁵⁶ TNA PC 2/8, l. 198; APC, 1558–1570, 6–7; John Strype, *Annals of the Reformation... in 4 vol.* (Oxford, 1820–1840), I, 7.

⁵⁷ APC, 1558–1570, 22; однако закона, направленного против тех, кто занимался магией, не было, поэтому виновных посылали для «сурового наказания» по церковным законам к Эдмунду Боннеру, лондонскому епископу. APC, 1558–1570, 22; CSP Span, 1558–1567, 17–18.

⁵⁸ Francis Coxe, *A Short Treatise Declaring the Detestable Wickednesse of Magicall Sciences as Necromancie, Coniurations of Spirites, Curious Astrologie and Such Lyke* (London, 1561, подп. A4v – A5v).

⁵⁹ *The Diary of Henry Machyn*, 185. «Английский ответ» Нострадамусу см., напр.: William Fulke, *Antiprogностicon, that is to saye, an invective against the vayne and unprofitable predictions of the astrologians as Nostradame etc* (London, december 1560), sig. A8r – v. См. также: V. Larkey, 'Astrology and Politics in the First Years of Elizabeth's Reign', *Bulletin of the History of Medicine*, III (1935), 171–178.

Чтобы нейтрализовать пророчества Нострадамуса, Елизавета обратилась к услугам математика, астролога и некроманта доктора Джона Ди, который еще до прихода Елизаветы к власти был ее ревностным сторонником.⁶⁰ Ди составил гороскоп на день, выбранный для коронации Елизаветы. Он объявил, что расположение светил в воскресенье 15 января, предвещает долгое и успешное царствование.⁶¹ Когда традиционная процессия накануне коронации проходила через лондонский Сити по пути к Вестминстеру, специально нанятые актеры, выстроившиеся на улицах, объявляли о новом царствовании как о решительном разрыве с католическим прошлым; «живые картины» изображали «чистую религию», которая подавляет «суеверие и невежество».⁶² У Литл-Кондюит в Чипсайде Елизавета взяла Библию на английском языке, которую протянула ей аллегорическая фигура Правды, поцеловала книгу, подняла ее над головой, а затем прижала к груди.

Сразу после коронации Елизавета решила положить конец неуверенности и подтвердить свои притязания на престол. В первом за годы ее правления парламенте, который

⁶⁰ 'The Compendious Rehearsal of John Dee', см.: T. Hearne (comp.), *Joannis, confratris & monachi Glastoniensis, chronica sive historia de rebus Glastoniensibus*, in 2 vol. (Oxford, 1726), II, 509, 521.

⁶¹ По свидетельству Ричарда Мулкастера. См.: Richard Mulcaster, *The passage of our most drad Sovereaigne Lady Quene Elyzabeth through the citie of London to Westminster the daye before her coronacion* (London, 1558).

⁶² 1 Elis, 1 in *Statutes* IV, 358–359.

созвали через десять дней после коронации, приняли закон, который объявил королеву «по праву родства и по закону прямым потомком королевского рода» и провозгласил «все приговоры и акты парламента, умаляющие данный закон, аннулированными». ⁶³ Елизавета больше не считалась незаконнорожденной, королевским бастардом.

Само появление Елизаветы на свет стало возможным в результате разрыва Англии с Римом; поэтому, как королева, хотя и не признанная таковой во многих частях католической Европы, она склонна была восстановить верховенство королевской власти, от которого отказалась ее сестра Мария. Хотя в юности она для вида перешла в католичество, в своих молитвах Елизавета благодарила Бога за то, что Он с «младых дней» отвращал ее от «глубоких бездн природного невежества и заслуживающих порицания суеверий». ⁶⁴ Позже она подтвердила свою давнюю преданность делу Реформации: «Когда я впервые взяла скипетр, мой титул побудил меня не забывать о Том, кто даровал мне его, и потому [я] начала свое правление в той вере, в какой я была рождена, воспитана и, наверное, умру». ⁶⁵ Кроме того, она отказалась слушать мессу при открытии парламента, а когда в Вестмин-

⁶³ См.: W. P. Haugaard, 'Elizabeth Tudor's Book of Devotions: A neglected clue to the Queen's life and character', *The Sixteenth-Century Journal* 12:2 (1981), 79–106, особ. 93.

⁶⁴ J. E. Neale, *Elizabeth I and her Parliaments, 1584–1601*, in 3 vol. (London, 1957), I, 128.

⁶⁵ *CSP Ven*, 1558–1580, 22–23.

стерском аббатстве ее встретили настоятель и монахи с зажженными факелами, она воскликнула: «Долой эти факелы, ибо мы очень хорошо видим».⁶⁶

Все религиозные законы предыдущей власти вскоре отменили и приняли Акт о единообразии, вводивший «Книгу общих молитв». В основе ее лежала изданная в 1552 г., в годы правления Эдуарда, книга с несколькими важными изменениями, призванными примирить конфессиональные различия. Из наиболее важных следует отметить слова причастия. Их изменили, признавая католическую интерпретацию истинного присутствия Христа в хлебе и вине. Тем не менее католические мессы объявлялись вне закона. Все подданные обязаны были по воскресеньям и в дни церковных праздников посещать службы в протестантских храмах. Тех, кто не приходил в церковь, штрафовали на шиллинг. По Акту о супрематии 1559 г. Елизавета провозглашалась не верховным главой, но верховной правительницей англиканской церкви, так как считалось, что женщина главой церкви быть не может. Отныне всем должностным лицам – священникам, судьям, мировым судьям, мэрам и королевским чиновникам – необходимо было принести письменную присягу на верность королеве, в которой Елизавета признавалась верховной правительницей церкви. За отказ принести присягу лишали должности. У всех, кто писал, учил или проповедал,

⁶⁶ 1 Eliz, in 1, 'The Act of Supremacy'; p. 2, 'The Act of Uniformity', см.: *Statutes IV*, 355–358.

вал, что Елизавету следует подчинить власти иностранной силы (в том числе папы римского), конфисковали движимое и недвижимое имущество. Повторное оскорбление приравнялось к государственной измене и влекло за собой смертный приговор.

Глава 3

Familia Reginae (семья королевы)

Коронация Елизаветы стала необычайно ярким событием. По словам очевидца, накануне выпал снег и казалось, будто «весь двор так ярко переливается драгоценными камнями и золотыми ожерельями, что они рассеивают мрак».⁶⁷ Перед королевой, которую несли в открытом паланкине в окружении статс-дам и камер-фрейлин, следовали придворные, епископы, пэры и иностранные послы. Непосредственно за паланкином Елизаветы ехал верхом Роберт Дадли, которого она недавно назначила главным конюшим. Процессию охраняли тысяча всадников и королевские телохранители в алых камзолах, украшенных инициалами Елизаветы и тюдоровской розой.⁶⁸

В целом королевский двор представлял собой обширное «ведомство», состоявшее из более чем тысячи слуг и помощников, от пивоваров, пекарей, кухарок, портных и конюхов до придворных и послов. Хотя двор был местом, где хранилась государственная казна, где распределялись богатства, должности и власть, в первую очередь двор считал-

⁶⁷ *CSP Ven*, 1558–1580, 12.

⁶⁸ J. R. Planche, *Regal Records, or a Chronicle of the Coronations of the Queen Regnants of England* (London, 1838), 35.

ся домом Елизаветы, пусть и передвижным. Королева и ее двор регулярно переезжали из одного дворца в другой. Королевские дворцы строились на берегах Темзы – Уайтхолл, Хэмптон-Корт, Ричмонд, Виндзор. Перед прибытием двора в тот или иной дворец его тщательно прибирали, «освежали» и проветривали. Требовалась скрупулезная точность для перевозки около трехсот телег с мебелью, тканями, одеждой и украшениями. Обычно в своих переездах двор следовал установленным традициям. Зимой около шести недель проводили в Уайтхолле, затем переезжали в Ричмонд, Гринвич, Хэмптон-Корт и Нонсач в Суррее, а оттуда к Пасхе перемещались в Виндзор или Уайтхолл. Каждое лето, когда в Лондоне начиналась эпидемия чумы, королева и ее свита покидали столицу и навещали небольшие города и дома аристократии на юге Англии.

В какой бы резиденции ни оказывалась Елизавета, ей требовалась целая анфилада комнат – внутренние покои. Там она по большей части отдыхала от суеты и шума «двора» в широком смысле слова. Внутренние покои состояли из нескольких комнат: приемного зала, королевского кабинета и опочивальни, куда можно было попасть из большого зала. Допуск в каждую следующую комнату знаменовал собой большую близость с королевой как физическим лицом. Кабинет или внутренний зал служил как бы границей между личным и публичным миром королевы. В то время как внешние покои дворцов кишели придворными, внутренние

покои тщательно охранялись; туда допускались лишь особо избранные. В приемный зал, просторное помещение с троном и балдахином, мог попасть любой приехавший ко двору. Там регулярно собиралась толпа просителей, иностранных послов, епископов и придворных; все они надеялись привлечь к себе внимание королевы, когда та проходит мимо. Большую часть дня королева проводила во внутренних покоях, в окружении приближенных дам. Во внутренних покоях она занималась государственными делами, слушала музыку, танцевала, играла в карты, шила и сплетничала. Внутренние покои охранялись 146 йоменами королевской стражи.⁶⁹ Елизавете служили два или три камергера-мужчины и от пяти до десяти слуг, которые следили за порядком в приемном зале. Четыре телохранителя отвечали за безопасность приемного зала по ночам. В два помещения можно было попасть из королевского кабинета. Первым из них была часовня, а вторым – королевская опочивальня. Опочивальня объединяла в себе сердце двора и самое уединенное место в елизаветинской империи. Здесь Елизавета как физическое лицо обнажалась, а камер-фрейлины по очереди спали либо в одной постели с королевой, либо на приставной кровати, стоявшей рядом с королевской.

В годы правления отца Елизаветы, Генриха VIII, и ее бра-

⁶⁹ См.: Mary Hill Cole, *The Portable Queen: Elizabeth I and the Politics of Ceremony* (Amherst, 1999); Julian Munby, 'Queen Elizabeth's Coaches: The Wardrobe on Wheels', *Antiquaries Journal*, 83 (2003), 311–367.

та, Эдуарда VI, внутренние покои были исключительно мужским заповедником. Впрочем, даже тогда во внутренние покои допускали небольшое число женщин – приближенных принцесс Елизаветы и Марии.⁷⁰ Первые женщины, которые служили Елизавете в ее внутренних покоях, перечислены в конторской коронационной книге. Здесь женщины подразделяются на группы в зависимости от их статуса. Каждой группе шилась особая одежда на коронацию: алые платья с блестками для статс-дам, платья из малинового бархата для остальных.⁷¹ Четыре женщины служили только в опочивальне, три названы «камер-фрейлинами», семь служили «во внутренних покоях без жалованья». Шесть молодых, незамужних девушек служили фрейлинами под руководством «старшей фрейлины», которая отвечала единственно за их попечение и поведение. В разделе «Статс-дамы и камер-фрейлины» названы фамилии восемнадцати

⁷⁰ TNA SP 12/6/36, l. 78.

⁷¹ Pam Wright, 'A change in direction: the ramifications of a female household, 1558–1603', см.: Starkey et al. (comp.), *The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War* (London, 1987), 147–172; C. Merton, 'The Women Who Served Queen Mary and Queen Elizabeth: Ladies, Gentlewomen and Maids of the Privy Chamber, 1553–1603' (докторская диссертация, Cambridge, 1992). См. также: K. Bundesen, 'Circling the crown: political power and female agency in sixteenth-century England', см.: J. Jordan (comp.), *Desperate Housewives: Politics, Propriety and Pornography, Three Centuries of Women in England* (Cambridge, 2009), 3–28, William Tighe, 'Familia Reginae: The Privy Court', см.: Susan Doran and Norman Jones (comp.), *The Elizabethan World* (Oxford, 2011), 76–91.

женщин.⁷² Число фрейлин и камер-фрейлин в отдельные годы правления Елизаветы доходило до двадцати восьми. Избранных было немного, поэтому в придворных кругах велась жесткая борьба за место фрейлины или камер-фрейлины. В конечном счете все определялось личностью той или иной претендентки и ее отношениями с Елизаветой; самые испытанные и доверенные дамы даже ночевали с королевой в одной постели. Все годы правления Елизаветы отмечены дружбой и близостью королевы и ее дам.

До того как Елизавета стала королевой, ее окружал «старый хатфилдский курятник», сплоченная группка верных прислужниц, которые очутились в сердце нового двора.⁷³ Одни приближенные доводились королеве кузинами по линии рода Болейн; другие, назначенные Генрихом VIII, доказали Елизавете свою дружбу и преданность; они стали ее верными союзницами. После вступления Елизаветы на престол их верность вознаграждалась привилегированным положением при дворе молодой королевы. Кроме того, места в свите Елизаветы занимали представительницы видных протестантских семей, которые в годы правления Марии вынуждены были уехать за границу.

Кэтрин Кэри доводилась королеве двоюродной сестрой;

⁷² TNA LC 2/4/3, l. 62r.

⁷³ TNA LC 2/4/3, l. 53v – 54r. В более поздних документах придворных дам не разделяют на группы; скорее всего, на практике границы между ними были достаточно размытыми.

она была дочерью сестры Анны Болейн, Мэри Болейн Кэри.⁷⁴ Она родилась около 1524 г. и служила фрейлиной у Анны Клевской, третьей жены Генриха, но затем, в 1540 г., вышла замуж за сэра Фрэнсиса Ноллиса. Приверженность Кэтрин и Фрэнсиса протестантизму вынудила их, вместе с пятью детьми, во время правления Марии Тюдор покинуть Англию и переехать во Франкфурт.⁷⁵ Письмо от Елизаветы к Кэтрин, датированное 1553 г., возможно, стало ответом на известие о том, что Кэтрин покидает родину. Может быть, до своей вынужденной эмиграции Кэтрин уже провела какое-то время в свите принцессы Елизаветы, поскольку из письма ясно, что Елизавету и Кэтрин связывала близкая дружба, а в будущем Елизавета обещает кузине свою благосклонность. Елизавета подписала письмо *cor rotto*, то есть «разбитое сердце».

«Облегчите же боль дальней дороги радостью скорого возвращения и считайте свое паломничество скорее проверкой ваших друзей, чем отъездом из страны... продолжительность времени и расстояние не лишают вас любви друзей и проявлений их доброй воли... в дни наибольшей нужды вы познаете мою верную дружбу... Моя власть настолько мала, насколько велика моя любовь к тем, кто одарен дружбой...

⁷⁴ См.: A. Hoskins, 'Mary Boleyn's Carey Children and off spring of Henry VIII', *Genealogists Magazine*, 25 (1997), 345–352.

⁷⁵ См.: N. M. Sutherland, 'The Marian Exiles and the Establishment of the Elizabethan Regime', *Archive for Reformation History* 78 (1987), 253–284; G. Peck, 'John Hales and the Puritans during the Marian Exile', *Church History*, 10 (1941), 159–177, особ. 174.

Ваша любящая кузина и настоящий друг *cor rotto*». ⁷⁶

Как только Елизавета взошла на престол, леди Кэтрин Ноллис и ее муж вернулись в Англию. Они вместе с дочерьми Леттис, которой тогда было пятнадцать лет, и Элизабет, которой было всего девять, были назначены в свиту королевы. ⁷⁷ Леди Кэтрин стала одной из камер-фрейлин; первые десять лет правления Елизаветы она сочетала придворные обязанности с воспитанием тринадцати детей. Меньше чем через год после коронации Елизаветы Кэтрин ненадолго удалась от двора, поскольку ей предстояло произвести на свет тринадцатого ребенка, но уже через несколько недель после родов она вернулась к королеве, оставив ребенка на попечение кормилицы. Ее племянницы, Кэтрин и Филадельфия Кэри, также были назначены в свиту королевы вскоре после ее вступления на престол. ⁷⁸

Помимо друзей, знакомых и родни по материнской линии, Елизавета приблизила к себе нескольких женщин, которых знала почти всю жизнь – с раннего детства. Бланш Парри, серьезная валлийка из Херефордшира, «качала колыбель» юной принцессы; она была на двадцать пять лет старше Елизаветы. Бланш, что необычно для того времени, так и не вы-

⁷⁶ BL Lansdowne MS 94, l. 21, см.: G. B. Harrison, *The Letters of Queen Elizabeth* (London, 1935), 19.

⁷⁷ BL Lansdowne MS 2, l. 193. Леттис Ноллис называется «дамой наших Личных покоев».

⁷⁸ См.: S. Varlow, 'Sir Francis Knolly's Latin dictionary: new evidence for Katherine Carey', *BIHR*, 80 (2007), 315–323.

шла замуж и всю свою долгую жизнь хранила преданность и неизменную верность Елизавете.⁷⁹

К числу самых давних и доверенных приближенных принадлежала и Кэт Эшли. Она растила Елизавету, воспитывала ее, защищала ее честь, когда поползли скандальные слухи о связи принцессы с отчимом; один или два раза она даже оказывалась в тюрьме за свою преданность принцессе. Теперь Эшли получила самую престижную должность: она стала первой камер-фрейлиной. Ее мужу Джону, кузену Анны Болейн, достался почетный пост хранителя сокровищницы британской короны, который он сохранял до своей смерти в 1596 г.⁸⁰

В жилах нескольких других придворных дам Елизаветы текла королевская кровь; некоторые из них также могли, при определенных условиях, претендовать на престол. Одной из таких приближенных была Элизабет Файнс де Клин-

⁷⁹ Она упоминается в коронационной конторской книге, TNA LC 2/4/3, l. 53v; хотя в ней не написано «гофмейстерина», ее имя приводится в разделе «Опочивальня» и перечислено выше категории «камер-фрейлин». Однако в коронационной конторской книге она названа «статс-дамой», а не «гофмейстериной», ведь по общественному положению она была не аристократкой, а всего лишь дворянкой.

⁸⁰ Он служил хранителем сокровищницы до своей смерти в 1596 г. и также был одним из двоих мужчин, которые имели доступ во внутренние покои. Вторым был Кристофер Хаттон, который служил с 1572 по 1591 г. Муж Кэт Эшли, Джон, отвечал за «сохранение драгоценностей и посуды ее величества». Судя по надгробной надписи на его могиле в Мейдстоуне, он также был «главным джентльменом внутренних покоев». См.: A. F. Collins (comp.), *Jewels and Plate of Queen Elizabeth I: The Inventory of 1574* (London, 1955), 210.

тон, которую в юности называли Белокурой Джеральдиной. Она считалась одной из величайших красавиц своего времени. Ее мать, леди Элизабет Грей, была внучкой Элизабет Вудвилл, супруги короля Эдуарда IV, и двоюродной сестрой Генриха VIII. После того как ее отца, Джералда Фицджералда, 9-го графа Килдэра, посадили в тюрьму по многочисленным обвинениям и в 1534 г. он умер в Тауэре, Генрих пожалел свою кузину леди Элизабет Грей и пригласил ее младшую дочь Элизабет, которой тогда едва исполнилось восемь лет, в свиту принцесс Марии и Елизаветы в Хансдоне (Хартфордшир). Особенно привязалась к старшей кузине Елизавета, которой тогда было всего два или три года; их дружба продолжалась и в отрочестве. Через несколько недель после смерти Марии I Элизабет Фицджералд вышла замуж за Эдварда Файнса де Клинтона, 9-го лорда – первого адмирала, вернулась в свиту Елизаветы и стала одной из первых статсдам при дворе молодой королевы.⁸¹

Вскоре после вступления Елизаветы на престол из ссылки по религиозным мотивам вернулась и Дороти Стаффорд, протестантка, дочь аристократа-католика Генри Стаффорда.⁸² Дороти вышла замуж за своего кузена, вдовца Уильяма Стаффорда, который ранее был женат на тетке Елизаветы, Мэри Болейн. В годы правления Марии, когда шири-

⁸¹ См.: J. Graves, *A Brief Memoir of the Lady Elizabeth Fitzgerald, Known as the Fair Geraldine* (Dublin, 1874).

⁸² В годы правления Марии I Генри Стаффорд вернулся в католичество.

лось преследование протестантов, супруги бежали из Англии в Женеву.⁸³ Дороти вернулась в Англию вдовой с шестью детьми и поступила на службу к Елизавете в ее опочивальню, где и пробыла сорок с лишним лет, до самой смерти королевы.⁸⁴

Вот кто составлял так называемый «ближний круг» Елизаветы. Камер-фрейлины, разодетые в специально заказанные наряды, горделиво несли шлейф за Елизаветой на коронационной процессии и прислуживали ей на самой церемонии, в ходе которой полагалось несколько раз переменить платье.⁸⁵ В обычные дни камер-фрейлины умывали королеву, накладывали на нее макияж, делали прическу, подбирали для нее платья и украшения, одевали и раздевали ее. Кроме того, фрейлины и камер-фрейлины присутствовали при том, как королеве подавали еду и напитки и дегустировали их, проверяя, нет ли в блюдах яда и других вредных веществ. Камеристки и служанки исполняли более «приземленные» обязанности: прибирались в покоях королевы, меняли воду в умывальниках, стелили постели. Молодые незамужние фрейлины составляли королеве компанию и развлекали ее.

⁸³ См.: C. H. Garrett, *The Marian Exiles: a Study in the Origins of Elizabethan Puritanism* (Cambridge, 1938); G. Peck, 'John Hales and the Puritans during the Marian Exile', 159–177.

⁸⁴ BL Lansdowne MS 59, № 22, l. 43; TNA LC 2/4/4, l. 45v – 46.

⁸⁵ J. G. Nichols (comp.), *The Progresses and Public Processions of Queen Elizabeth*, in 3 vol. (London, 1823), I, 38; TNA LC 2/4/3 – коронационная конторская книга Елизаветы I.

Фрейлинами могли стать девушки из хороших семей; они, как правило, одевались в белое. Фрейлины прислуживали королеве на публике, несли ее шлейф, сидели и гуляли с ней во внутренних покоях и развлекали ее танцами.

За исполнение своих многочисленных обязанностей приближенные Елизаветы получали довольно скромное жалование. Некоторым, например молодым фрейлинам, платили вообще редко. Камер-фрейлины и статс-дамы получали ежегодное жалование, которое равнялось в среднем 33 фунтам 6 шиллингам (около 5600 фунтов в наши дни). Помимо небольшого жалования, фрейлинам предоставляли стол и кров для них и для их слуг. Кроме того, им шили одежду «на каждый день» и для особых случаев; иногда им доставались даже старые платья королевы. Размеры и качество жилья зависели от дворца. Как правило, места везде не хватало, а о том, чтобы уединиться, нечего было и думать. Чаще всего те, кто служили во внутренних покоях, там же и спали, и, только когда они были не на дежурстве, могли они позволить себе роскошь отдельных апартаментов. Молодые фрейлины спали все вместе в гардеробной, которая часто была тесной и неудобной. В Виндзоре им выделили такое старое помещение, что пришлось просить, «чтобы их комнаты оштукатурили, а дощатую перегородку сделали выше, чтобы слуги не заглядывали через нее».⁸⁶

Елизавета требовала, чтобы все ее фрейлины постоянно

⁸⁶ См.: *CSP Dom*, 1547–1580, 648.

присутствовали при дворе и ставили ее потребности выше личных забот. Достаточными предлогами для отсутствия не считались ни болезни, кроме самых тяжелых, ни свадьба, ни рождение детей. Елизавета требовала полной преданности и самоотверженности. Если какая-либо из ее замужних фрейлин оказывалась в положении, она должна была исполнять свои обязанности вплоть до последних недель беременности. Лишь перед самыми родами позволялось ей удалиться. После родов фрейлине надлежало как можно скорее вернуться ко двору. Детей принято было оставлять на попечение кормилиц и гувернанток. В эпоху, когда высшим достижением для женщины считалось замужество и материнство, придворные дамы служили незамужней королеве; таким образом они, не теряя своего высокого статуса, бросали вызов традициям.

Самые приближенные к Елизавете женщины круглосуточно находились в самом сердце королевского двора. Хотя они были высокоценными компаньонками, которые спали в королевской опочивальне в темноте или при свечах, они исполняли также роль телохранительниц, следя за королевой как за физическим лицом и защищая ее. Поскольку у Елизаветы не было ни мужа, ни наследника, ее жизнь постоянно подвергалась опасности. В годы ее правления покушений боялись больше, чем открытого бунта.

Естественно, камер-фрейлины лучше других были осведомлены о мыслях и настроениях королевы. Поэтому при-

дворные и иностранные послы постоянно подольщались к дамам из этой элитарной группы, надеясь, что те будут отстаивать их интересы и представят королеве их прошения. Более того, Роберт Бил, тогдашний секретарь Тайного совета, подготовил меморандум о должности Государственного секретаря, в котором особенно подчеркивалась роль камер-фрейлин: «До того как входить во внутренние покои, узнайте о настроении ее величества у той или иной камер-фрейлины, на чье суждение вы можете всецело полагаться».⁸⁷ Настроение королевы часто оказывалось жизненно важным для ее министров.

⁸⁷ BL Additional [далее – Add.] MS 48161, Robert Beale, ‘A Treatise of the Office of... Principall Secretarie’, цит. по: C. Read, *Mr Secretary Walsingham and the Policy of Queen Elizabeth*, in 3 vol. (Cambridge, Mass, 1925), I, 423–443.

Глава 4

Не жаворонок

Когда Елизавета покинула Хатфилд и отправилась в Лондон, она распорядилась, чтобы ее любимую кровать площадью 6 квадратных ярдов с позолоченным остовом и «восемью резными зверями» доставили в Уайтхолл. Несомненно, такая кровать подходила для королевы. Полог из пурпурного бархата, расшитый золотом и «украшенный узкой бахромой из венецианского золота», окружали тридцать четыре шелковые кисти, свисающие с занавесей из пурпурной парчи, с изголовьем из пурпурного бархата в тон.⁸⁸ Кровать стала сердцевиной нового двора Елизаветы и сценой, на которой отныне предстояло разыгрываться ее жизни и правлению.

Дворец в Уайтхолле, главная лондонская резиденция королевы, занимал площадь 23 акра. Большой зал и часовня, королевские покои, галереи и закрытый сад находились на восточной стороне, оттуда по отдельной лестнице можно было спуститься к реке. С западной стороны размещались дома для придворных, сгруппированные вокруг площадки для петушиных боев, арены для турниров и теннисного корта. Сам дворец представлял собой настоящий лабиринт из узких, извилистых коридоров; в нем насчитывалось около двух

⁸⁸ BL Add. MS 35185, l. 23v.

тысяч комнат. Его построил кардинал Уолси; затем Генрих VIII распорядился перестроить и расширить его. В 1533 г. он принял в Уайтхолле Анну Болейн, ставшую королевой.

Находясь в Уайтхолле, Елизавета занимала бывшие апартаменты короля; комнаты, предназначенные для королевского супруга-консорта, оставались свободными.⁸⁹ Все комнаты были обставлены с большой пышностью, с обилием статуй и картин. Среди прочего там можно было увидеть бюст Аттилы, предводителя гуннов, генеалогическую таблицу английских королей, солнечные часы в форме обезьяны, астролябию, с помощью которой высчитывали восход и заход солнца, и много сложных инструментов.

Единственное окно в опочивальне Елизаветы выходило на Темзу. Комната была очень темной; при всего одном окне, в ней было мало свежего воздуха. Богатые гобелены на стенах служили не только для красоты и удобства, но и для тепла.

⁸⁹ Simon Surley, *Whitehall Palace: an Architectural History of the Royal Apartments 1240–1698* (New Haven and London, 1999), 65–74. К Елизаветинской эпохе относится ряд воспоминаний иностранных путешественников, которые посещали Уайтхолл. Обычно им показывали не только внешние, но и внутренние покои – в то время, когда там не было королевы. «Путешествие через Англию и Шотландию, совершенное Лупольдом фон Веделем в годы 1584 и 1585», переведенное Готтфридом фон Бюловом ('Journey through England and Scotland made by Lupold von Wedel in the Years 1584 and 1585', *TRHS*, new series, т. 9 (London, 1895), 223–270, см. 234–237; *The Diary of Baron Waldstein: A Traveller in Elizabethan England*, transl. by ed. G. W. Groos (London, 1981), 43–59; 'Diary of the Journey of Philip Julius Duke of Stettin-Pomerania, through England in the year 1602', *TRHS*, n.s., т. 6 (London, 1892), 1–67, см. 23–25; *Thomas Platter's Travels in England, 1599*. Clare Williams (перевод, London, 1937), 163–166.

Потолок был расписан золотом.⁹⁰

День королевы начинался с того, что камер-фрейлины отдергивали полог кровати. Елизавета признавалась в том, что она «не жаворонок».⁹¹ Иногда она вставала рано, если назначала кому-то аудиенцию на восемь утра, но чаще всего в ранние часы, когда ее приближенные приступали к делам, когда в ее апартаментах растапливали камин и начинали уборку, она еще лежала в постели. В спальне гуляли сквозняки, поэтому необходимо было поддерживать огонь в камине, чтобы выманить королеву из постели. Елизавета редко одевалась сразу же. Ей, облаченной в «ночное», подавали завтрак в опочивальню – белый хлебец, мясо, похлебку, эль или вино. Затем она отправлялась на прогулку и быстро ходила по аллеям в своем огороженном саду.⁹² Королева любила долго гулять в любую погоду. Обычно шла «величаво», если только не хотела «согреться холодным утром» или побродить по парку ради удовольствия и отдыха.⁹³ Иногда на прогулке ее сопровождали фрейлины, но очень часто

⁹⁰ 'Diary of the Journey of the Duke of Stettin-Pomerania', 25; 'Journey of von Wedel', 325.

⁹¹ *HMC Bath*, IV, 186.

⁹² Белые хлебцы, или белый хлеб из муки тонкого помола, делали из пшеницы, которую выращивали в Гестоне, так как она считалась самой чистой. См.: John Norden, *Speculum Britannie: Description of Middlesex and Hertfordshire* (London, 1723).

⁹³ John Harington, *Nugae Antiquae*, ed. Henry Harington, in 3 vol. (London, 1779), II, 135.

она предпочитала одиночество; телохранители держались на почтительном расстоянии. Иногда Елизавета начинала день сидя в ночной рубашке у окна в своей опочивальне и читая.⁹⁴ Однажды утром один возчик сообщил, что видел полуодетую королеву у окна и «понял, что королева – женщина». Елизавета послала ему «ангела» (10 шиллингов), чтобы «заткнуть ему рот».⁹⁵

Когда королева была готова вставать, камер-фрейлины помогали ей умыться, подавали платья, причесывали, белили и румянили ее. Даже в молодые годы процесс умывания отнимал у королевы много времени. Чаще всего Елизавета умывалась из таза с водой, а затем вытирала лицо полотенцами. Она предпочитала кастильское мыло из оливкового масла, которое в больших количествах поставляли напрямую из Испании.⁹⁶ Много лет на ее лбу цвета слоновой кости не было практически ни одной морщинки, так как она очищала кожу створоженным молоком. Ее длинные золотистые волосы мыли щелоком, смесью древесной золы и воды, а затем, перед расчесыванием, растирали теплой грубой тканью, чтобы удалить жир и перхоть. Зубных щеток в то время не знали, но зубочистки применялись регулярно. Они упоминаются в списках подарков, которые Елизавета получала ежегод-

⁹⁴ R. R. Tighe and J. C. Davis, *Annals of Windsor*, in 2 vol. (London, 1858), I, 641.

⁹⁵ См.: N. Williams, *Powder and Paint: a History of the Englishwoman's Toilet* (London, 1957), 14.

⁹⁶ См.: Sir Hugh Platt, *Delight for Ladies* (London, 1594).

но. Кроме того, у нее имелись многочисленные голландские «зубные полотенца», которые применялись для чистки зубов: их пропитывали смесью белого вина и уксуса, прокипяченных с медом.⁹⁷ Несмотря на такие усилия, к среднему возрасту зубы у Елизаветы пожелтели, были поражены кариесом, изо рта у нее дурно пахло. Позже ее зубы почернели из-за ее любви к таким сладостям, как марципаны и засахаренные фрукты.⁹⁸ Дурной запах изо рта она пыталась нейтрализовать, полоща рот растворами розмарина, мирры, мастики и корицы.⁹⁹

Умывшись, Елизавета приступала к макияжу. Прославленная кожа цвета слоновой кости, которую можно видеть на всех парадных портретах, была результатом обильного при-

⁹⁷ Напр., ‘Миссис Твист – шесть кусков полотна, выделанных черным шелком и украшенных позолотой’, New Years Gift Roll 1579, см.: Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, II, 260.

⁹⁸ См.: Thomas Cogan, *The Haven of Health: Chiefly Made for the Comfort of Students and Consequently all Those That Have a Care of Their Health* (London, 1565). См. также: William Vaughan, *Fifteen Directions to Preserve Health* (London, 1602). «Вонская вода» для чистки зубов готовилась кипячением половины стакана уксуса и половины стакана мастики с добавлением по унции розмарина, мирры, аммония, драконовой травы и квасцов, половины унции корицы и трех стаканов воды. Затем в смесь добавляли полфунта меда, и смесь стояла на огне около четверти часа. Затем раствор разливали по чистым бутылкам. Кроме того, Вон перечислил «четыре правила для содержания зубов в чистоте и здоровье»: полоскать рот после каждой трапезы, «спать с приоткрытым ртом», отхаркиваться каждое утро и растирать зубы и десны полотняной тканью, «чтобы ликвидировать мясные испарения и желтизну зубов».

⁹⁹ Platt, *Delight for Ladies*; G. Hartmann, *The True Preserver* (London, 1682).

менения косметики. На лицо королеве наносили похожую на меренгу смесь из яичного белка, измельченной яичной скорлупы, квасцов, буры и макового семени, смешанных с очищенной водой и взбитых до тех пор, пока пена не поднималась на три пальца.¹⁰⁰ Судя по всему, такую смесь применяли круглый год по три раза в неделю для отбеливания, гладкости и смягчения кожи. На самом деле получившийся крем лишь обесцвечивал ее. Существовали и другие отбеливатели: иногда, чтобы кожа казалась полупрозрачной, на нее наносили сулему, или «жидкий жемчуг». Кроме того, Елизавета пользовалась помадой и бальзамами для губ, основным ингредиентом которых были свинцовые белила, белая плотная масса из карбоната и гидроксида свинца, которые получали, обрабатывая металлические пластины уксусными испарениями. Мелки, или «карандаши» (словосочетание «губная помада» тогда не употреблялось), изготавливали, смалывая в порошок кальцинированный алебастр или гипс. Затем порошок окрашивали, замешивали в пасту, скатывали, формовали и сушили на солнце. Пудру сходным образом получали из молотого алебаstra. В число повседневных обязанностей придворных дам входило дробление и измельчение ингредиентов для косметических средств, притираний для лица, зубных порошков и лекарств. Косметику для Елизаветы готовили лишь самые доверенные лица, ведь яд, скрытый в косметических средствах, мог самым роковым обра-

¹⁰⁰ Williams, *Powder and Paint*, 27–28.

зом впитаться через кожу королевы.

Вскоре после того, как Елизавета стала королевой, она начала лысеть. Джон Хемингуэй, ее аптекарь, готовил для нее особые помады и бальзамы для кожи головы. Однако лекарства не помогли. Елизавете пришлось сменить прическу. Облысевшую макушку прикрывали локоны, каждый из которых приходилось каждый день искусно завивать.

В те дни регулярно принимать ванну было не принято, хотя, по свидетельствам, Елизавета принимала ванну каждый месяц, «нуждается она в ней или нет». Зато в ту эпоху, когда от всех довольно резко пахло, широко применялись духи. Они считались не просто предметом роскоши. Многие женщины носили на поясе резные металлические или самшитовые ароматические шарики, наполненные пастой из ароматических приправ: гвоздики, мускатного ореха, кумина. Ароматические шарики одновременно избавляли от неприятных запахов и защищали от инфекции. Врач Елизаветы, доктор Хьюик, регулярно подносил ей бутыль с ароматической водой, настоянной на апельсиновом цветке. Говорят, что следующий рецепт использовался для приготовления любимой туалетной воды Елизаветы, которую готовили из майорана, или душицы: «Взять восемь ложек воды, на два пенса сахарной пудры, вскипятить на горячих углях, прибавить пол-унции сладкой душицы, высушенной на солнце, и на два пенса порошка бензойной смолы». В результате, как говорили, туалетная вода получается «очень сладкой и действует

долго». ¹⁰¹

«Сладкие мешочки», наполненные духами, вшивали в платья или перчатки; чулки и туфли также душили веществами, полученными из животных источников: серой амброй, восковой субстанцией, выделяемой или извергаемой кашалотами, которая со временем приобретала сладкий, землистый аромат; цибетином, пахучим секретом, вырабатываемым железами виверры, и мускусом, секретом таких животных, как кабарга. Кроме того, использовались и цветочные масла, выделенные из апельсина, жасмина, лилии и других цветов, а также такие специи, как корица, мускатный орех и гвоздика. Перчатки душили смесью из серой амбры, мускуса или цибетина с жировой основой. Полученную пасту размазывали по внутренней поверхности перчаток для сохранения мягкости кожи. Такие перчатки были излюбленным подарком для тех, кто не слишком хорошо знал о том, что именно нравится королеве. ¹⁰² Елизавета часто носила перчатки для тепла во дворцах в холодные дни, а также в поездках.

Накрасившись, Елизавета одевалась. Процедура одевания была сложной и занимала несколько часов; фрейлины Елизаветы старательно шнуровали и застегивали на ней одежду;

¹⁰¹ *The Queen's Closet Opened* (London, 1696), 239.

¹⁰² В 1578 г. леди Мэри Сидни подарила «пару надушенных перчаток с двадцатью четырьмя пуговками из золота на каждой с маленькими бриллиантами». New Year Gift roll, 1578. Society of Antiquaries MS 537 printed in Nichols, *Progresses of Queen Elizabeth*, II, 72.

каждый день требовались сотни булавок.¹⁰³ Королева носила тонкие полотняные сорочки, а также плетеные воротники и манжеты. Воротники и манжеты защищали от пятен пота платья, которые нельзя было стирать. Считалось, что полотняное белье способствует очищению тела, так как впитывает излишки влаги и грязи. Как ни удивительно это может показаться, нет никаких доказательств того, что королева носила панталоны.¹⁰⁴ Во время менструаций она пользовалась льняными тряпками, которые применялись вместо прокладок, а затем стирались; в домашних конторских книгах Елизаветы указаны длинные и короткие «полотенца тонкого голландского полотна», которые закупались дюжинами наряду с другими простыми материями. Скорее всего, имелись в виду гигиенические полотенца. У королевы Елизаветы также было три «нижние рубахи из черного шелка, сделанные вручную и украшенные пряжками, крючками и петлями, обметанными шелком», которые могли заменять необходимые в «критические дни» панталоны, в которые можно было под-

¹⁰³ О ритуалах одевания у аристократок того времени см.: Thomas Tomkis, *Lingua, or The Combat of the Tongues* (London, 1607).

¹⁰⁴ Возможно, в поздние годы правления у Елизаветы появилось нечто вроде кальсон или трусов – есть ссылки на «шесть пар двойных панталон из тонкого голландского полотна», сшитых для нее в 1587 г., но неясно, что это – трусы или панталоны со швом сзади на лодыжке. См.: Ninya Mikhaila, Jane Malcolm-Davies, *The Tudor Tailor: Reconstructing 16th-century dress* (London, 2006), 24, а также С. Willett and Phillis Cunnington, *The History of Underclothes* (London, 1951), 48.

кладывать «полотенца». ¹⁰⁵

После того как королева облачалась в сорочку, на ней зашнуровывали корсет, усиленный китовым усом, затем нижнюю юбку, а затем чулки. В 1561 г. Элис Монтэгу, «главная шелковница» королевы, подарила Елизавете первую пару вязаных шелковых чулок. Елизавета обрадовалась и попросила миссис Монтэгу прислать ей еще: «Мне очень нравятся шелковые чулки; они приятные, тонкие и нежные. Поэтому я больше не буду носить полотняных чулок». ¹⁰⁶ После чулок на Елизавету надевали тяжелые платья из бархата или атласа, которые закалывались булавками. Каждое платье было покрыто ярдами золотого плетения и мириадами крошечных драгоценных камней; платья расшивали рыбками, цветами, птицами и листьями. Процесс одевания был медленным и кропотливым; во время облачения у Елизаветы хватало времени для неспешной беседы со своими дамами. Цвет, покрой и стиль королевских платьев менялся в разные годы правления Елизаветы и отражал моды Франции, Испании или Италии. Часто Елизавета намеренно следовала тому или иному стилю, когда добивалась политического альянса с той или иной страной. По большим государственным праздникам она носила тяжелые мантии, подбитые горностаем, а зимой выходила в меховых шубах и муфтах на лебяжьем пуху.

Затем королева выбирала драгоценные камни и жемчуг,

¹⁰⁵ BL Egerton MS 2806, l. 210.

¹⁰⁶ См.: Nichols (comp.), *Progresses of Queen Elizabeth*, II, xlii.

которые она очень любила. Камни прикалывали к платью булавками или надевали ей на шею. Многие драгоценности королевы доставали из запасов ее отца; раньше их носил сам Генрих VIII, его шесть жен или сводные брат и сестра Елизаветы. Драгоценности хранились в опочивальне, в сундуках, обитых бархатом и расшитых золотом.¹⁰⁷ Наконец, на ноги Елизавете надевали туфли с помощью стального рожка для обуви, специально изготовленного для нее кузнецом.¹⁰⁸ В начале ее правления туфли королевы были главным образом шиты из бархата, но с возрастом она все больше ценила испанскую кожу.¹⁰⁹ Вначале Елизавета носила туфли на плоской подошве, но в 1595 г., в возрасте шестидесяти двух лет, королева заказала первую пару туфель «на высоком каблучке».¹¹⁰ Во внутренних покоях Елизавета часто носила комнатные туфли – их можно было надевать и снимать не застегивая. В них ноги королевы отдыхали с удобством. Обычно каждый год Елизавете шили около двенадцати пар туфель из простого бархата.

Облачившись в платье, надев драгоценности, причесавшись, уложив волосы, набелив и нарумянив лицо, королева

¹⁰⁷ TNA LC 5/33, l. 15; Janet Arnold, 'Sweet England's Jewels', см.: Anna Somers Cocks (comp.), *Princely Magnificence: Court Jewels of the Renaissance 1500–1630* (London, 1980), 31–40.

¹⁰⁸ TNA LC 5/33, l. 194. Заказ, датированный 10 февраля 1566/7 на три «натертых» рожка для обуви.

¹⁰⁹ TNA LC 5/33, l. 144; TNA LC 5/34, l. 81, 169, 308.

¹¹⁰ TNA LC 5/37, l. 73.

готова была появиться перед «двором» в широком смысле слова.

Большую часть дня Елизавета проводила в своем кабинете во внутренних покоях, где занималась государственными делами с министрами двора, встречалась с советниками и принимала иностранных послов. По вечерам, покончив с делами, она отдыхала в обществе фрейлин и фаворитов, слушала музыку в исполнении придворных музыкантов, певцов королевской капеллы, танцевала, читала или играла в карты. И королева, и ее фрейлины любили азартные игры; за игрой подробно записывались долги. Елизавета была одаренной музыкантшей и иногда отдыхала, играя на спинете и клавикордах. Пока королева занималась государственными делами, фрейлины проводили нескончаемые часы за шитьем и вышиванием во внутренних покоях. Они украшали вышивкой рубахи и ночные сорочки ее величества, а также простыни и наволочки. Кроме того, дамы готовили прохладительные напитки, горячее питье с пряностями и сладости, которые Елизавета особенно любила, в отдельной королевской кухне, примыкающей к внутренним покоям. В основном, за исключением пиров и банкетов, устраиваемых по праздникам и по торжественным случаям, Елизавета принимала пищу во внутренних покоях, так как считала неприличным для своего достоинства, если ее видел за едой кто-либо, кроме ее приближенных. Обычно королева обедала около полудня, а ужинала в шесть вечера, хотя предпочитала питать-

ся, «когда того требовал ее аппетит», и потому редко придерживалась установленных часов для трапез.¹¹¹ Еду доставляли из отдельной кухни специальные церемониймейстеры; об их приходе предупреждали барабанным боем и звуками труб. Затем одна из дежурных фрейлин протирала позолоченные блюда хлебом и солью и давала церемониймейстерам отведать кусочек каждого блюда – необходимая предосторожность против отравителей. После того как накрывали на стол, фрейлины несли блюда во внутренние покои, где ела королева.¹¹² Хотя повара готовили к каждой трапезе множество перемен блюд, Елизавета предпочитала курицу или дичь красному мясу, зато всегда ела сладости, особенно жирные кексы с коринкой, которую специально ввозили из Греции. Крепкое, «мартовское» пиво, сваренное на дворцовой пивоварне в марте и хранившееся перед подачей два года в погребах, королева не жаловала. «Мартовскому» пиву она предпочитала легкое вино, «смешанное с водой, которой было на три части больше, чем самого вина».¹¹³ Если королева принимала иностранных послов или других важных гостей, банкетный стол накрывали в большом зале. После еды со столов убрали, и начинались танцы, игры и другие раз-

¹¹¹ John Clapham, *Elizabeth of England*, ed. Evelyn Plummer Read и Conyers Read (Philadelphia, 1951), 89.

¹¹² *Paul Hentzner's Travels in England during the Reign of Queen Elizabeth*, transl. Richard Bentley, by ed. Horace Walpole (London, 1797), 36–37; *Thomas Platter's Travels in England, 1599*, 193–195.

¹¹³ John Clapham, *Elizabeth of England*, 89.

влечения.

В конце каждого дня камер-фрейлины, в том числе Кэт Эшли, Бланш Парри, Кэтрин Ноллис и Дороти Стаффорд, разоблачали королеву: снимали с нее платья, вуали, драгоценности и перчатки. Затем зажигали восковые свечи, которые давали ровное пламя и приятно пахли, и королева умывалась и мыла ноги. На ночь Елизавету облачали в «ночное платье» – свободное, удобное одеяние, сшитое из дорогих тканей: атласа, шелкового бархата и тафты. «Ночное платье» украшалось золотой и серебряной тесьмой, подбитое ворсом, плюшем или мехом.¹¹⁴ Иногда, если королева проводила день во внутренних покоях, в обществе камер-фрейлин, она носила «ночное платье» и днем. Ей часто дарили такие платья на Новый год.¹¹⁵

Наконец Елизавета забиралась в постель, под шелковые простыни, расшитые королевскими гербами и тюдоровскими розами. На ее кровати лежало множество тюфяков, набитых соломой, пухом и пером – чем «ближе к телу», тем мягче. Перед тем как королева отходила ко сну, фрейлины грели для нее постель, кладя между простынями грелки с горячими углями. Кроме того, они внимательно осматривали постельное белье и матрасы, набитые соломой и перьями.

¹¹⁴ См.: Janet Arnold, *Queen Elizabeth's Wardrobe Unlock'd* (Leeds, 1988), 139–140.

¹¹⁵ См., напр.: BL Stowe inventory, l. 31/35 и Folger Inventory, l. 6 [21], см.: Arnold, *Queen Elizabeth's Wardrobe Unlock'd*, 263, 340.

Они искали не только блох или клопов, но и более опасные предметы. Известно было, что некоторые заговорщики собирались спрятать в королевской постели кинжалы или другие смертоносные орудия, способные причинить вред королеве. Кроме того, фрейлины каждый вечер обыскивали опочивальню на предмет незваных гостей. Ночью усиливались страхи и уязвимость; в то время считалось, что по ночам в помещения проникает вредоносный воздух, а лунный свет вызывает ревматические боли. Уолтер Бейли, врач Елизаветы, считал поэтому важным, чтобы королева избегала спать при лунном свете, и советовал, чтобы окна опочивальни по ночам были закрыты, дабы ее величество не вдыхала тлетворный воздух с Темзы.¹¹⁶

В девять часов королева желала всем доброй ночи. В каминах сгребали угли, внутренние покои запирали. Их охрана поручалась королевской гвардии, а особо приближенная фрейлина ложилась в постель Елизаветы или на приставную кровать. Елизавета часто страдала бессонницей; в ряде медицинских трактатов того времени даются советы, как до-

¹¹⁶ W. Bailey, *A Briefe Treatise Touching the Preservation of the Eie-sight* (London, 1626), 9. См. также: L. G. H. Horton Smith, *Dr Walter Bailey 1529–1592: Physician to Queen Elizabeth* (St Albans, 1952); William Bullein, *Bulwarke of defence againste all Sicknes, Sornes and Woundes* (London, 1562). См. также: *A newe boke of phisicke* (London, 1599). Andrew Boorde, *A Compendious Regiment or a Dyetary of healthe made in Mountpyllier* (London, 1542) и сходные советы. См.: K. H. Dannenfeldt, 'Sleep: Theory and Practice in the Late Renaissance', *The Journal of the History of Medicine and Allied Sciences*, 41 (1986), 415–441.

биться крепкого ночного сна.¹¹⁷ Врач и писатель Эндрю Борд считал: чтобы спать крепко, нужно смешать немного камфары с женским грудным молоком и натирать этой смесью виски или нюхать розовую воду, смешанную с уксусом, которая поможет уснуть. «Отправляясь спать, будьте веселы, – советует Борд, – или обзаведитесь веселым спутником, чтобы в постели ни гнев, ни тяжесть, ни горе, ни задумчивость не беспокоили и не тревожили вас».¹¹⁸ Создание «веселой» и радостной атмосферы, судя по всему, также входило в задачу фрейлин, служивших в опочивальне Елизаветы.

Когда гасили почти все свечи, Елизавета готовилась ко сну: произносила благодарственные молитвы, просила прощения за свои поступки, надеясь, что Всевышний защитит ее от ночного вреда. Задерживали полог, дабы оградить королеву от опасных сквозняков и пагубного ночного воздуха. Опочивальню запирали; снаружи ее охраняли гвардейцы. Елизавета требовала в спальне полной тишины, и в смежных покоях также нельзя было шуметь.¹¹⁹

¹¹⁷ См., напр.: Cogan, *The Haven of Health*, 231–239. См. также: A. R. Ekirch, 'Sleep We Have Lost: Pre-industrial Slumber in the British Isles', см.: *The American Historical Review* (2001), 343–386, особ. 352.

¹¹⁸ Andrew Boorde, *A Compendious Regiment*, l. ci, v.

¹¹⁹ BL Harleian MS 6850, l. 91.

Глава 5

Женское бессилие

Елизавета постоянно находилась в центре пристального внимания. Иностранные послы писали своим государям депеши, посвященные всем сторонам жизни королевы, даже самым интимным. Все, что касалось королевы, вызывало огромный интерес как в стране, так и за ее пределами. После вступления Елизаветы на престол испанский посол граф Фериа утверждал, что Елизавета «едва ли проживет долго». Он докладывал Филиппу Испанскому, что молодая королева «не слишком крепкого сложения».¹²⁰ Ему вторил французский посол де Ноай: «Все, кто ее видел, не сулят ей долгих лет жизни».¹²¹

Начиная с переходного возраста Елизавета часто болела. Она страдала от несварения желудка, падала в обмороки, ее часто мучили сильные головные боли, которые иногда длились по нескольку недель подряд. Кроме того, она жаловалась на бессонницу и резь в глазах.¹²² Она была очень близорука, отчего даже самые простые повседневные дела, не го-

¹²⁰ *CSP Span*, 1558–1567, 18, 38.

¹²¹ R. A. Vertot, C. Villaret, *Ambassades de Messieurs de Noailles en Angleterre*, in 5 vol. (Leyden, 1763), III, 86–87.

¹²² См.: BL Harleian MS 6986, 12, и F. Chamberlin, *The Private Character of Queen Elizabeth* (London, 1922), 41–49.

воря уже о государственных, превращались для нее в сложные задачи. Из-за любви к сладостям королева часто страдала от сильной зубной боли.

В те времена считалось, что человеческий организм состоит из «гуморов», или «телесных соков», — крови, слизи, желтой и черной желчи. У здорового человека все четыре гумора находятся в равновесии, любое его нарушение вызывает ту или иную болезнь. Когда Елизавете было двадцать с небольшим лет, в годы правления ее сестры Марии, королевский врач доктор Уэнди писал, что в организме принцессы «много гуморов холодных и водянистых, которые можно убрать лишь очищениями, специально назначенными и удобными для такой цели».¹²³ Одним из симптомов, характерных для дисбаланса гуморов, считалась «водянка», или, как бы сказали мы, отечность. Другим симптомом были нерегулярные менструации, на что также жаловалась Елизавета. Аменорея, в свою очередь, вызывала иные болезни — «истерические припадки» и «меланхолию». Королевские врачи регулярно «отворяли» Елизавете вену на лодыжке или руке, пускали кровь и таким образом нормализовали ее «телесные жидкости».¹²⁴

Помимо физического здоровья Елизаветы, огромный ин-

¹²³ 22 June 1554, Dr Owen to Bedingfeld papers cited in Chamberlin, *Private Character of Queen Elizabeth*, 47.

¹²⁴ См.: P. Crawford, 'Attitudes to Menstruation in Seventeenth-Century England', *Past and Present*, 91 (1981), 47–73.

терес вызывали ее плодовитость и способность к деторождению. В то время считалось, что женщины более ненасытны в постели, чем мужчины. Современникам трудно было поверить, что женщина, преодолевшая переходный возраст, может добровольно хранить целомудрие, особенно если у нее не было мужа, который обеспечивал бы выход ее сексуальной энергии.¹²⁵ Будущее протестантского государства всецело зависело от способности Елизаветы произвести на свет наследников. Ходили слухи о том, что у королевы «женское бессилие», то есть она не способна иметь детей и потому никогда не выйдет замуж.¹²⁶ Когда, в самом начале Елизаветинской эпохи, шотландского посланника сэра Джеймса Мелвилла попросили передать Елизавете предложение руки и сердца от герцога Казимира, сына правителя курфюршества Пфальц, он отказался от поручения со словами: «У меня есть основания полагать, что она вообще не выйдет замуж, из-за того, что рассказала мне одна из ее камер-фрейлин... зная, что она не способна иметь детей, она никогда не подчинится мужчине».¹²⁷ Откуда у шотландского посла такие сведения? От Кэт Эшли, Бланш Парри или Кэтрин Ноллис; а может быть, посланник просто передавал ходившие при дворе

¹²⁵ См.: Sara Mendleson, Patricia Crawford, *Women in Early Modern England 1550–1720* (Oxford, 1998), 20–25.

¹²⁶ William Camden, *Annales: The True and Royall History of the famous Empresse Elizabeth...* (London, 1625), 9.

¹²⁷ Цит. по: Elizabeth Jenkins, *Elizabeth the Great* (London, 1958), 77.

сплетни? В апреле следующего года граф Фериа также сообщал: «Если мои шпионы не лгут, в чем я почти уверен, по определенной причине, которую мне недавно сообщили, она, насколько я понимаю, не может иметь детей». ¹²⁸

Кровопускание в июне 1559 г. также воспринималось окружающими как доказательство того, что с «природными функциями» королевы что-то не в порядке. «Ее величеству пустили кровь из ноги и из руки, но в чем заключается ее нездоровье, неизвестно, – сообщал венецианский посол. – Многие говорят такое, что я не решаюсь написать». ¹²⁹ Даже у папского нунция во Франции имелась своя точка зрения на менструальный цикл Елизаветы: «Едва ли у нее проходит очищение, обычное для всех женщин». ¹³⁰

С политической точки зрения подобные слухи были весьма вредны. Ради равновесия сил в Европе и ради собственной безопасности королеве необходимо было быть и казаться здоровой и плодовитой. Тюдоры и англиканская церковь могли считать себя в безопасности лишь в том случае, если бы Елизавета вышла замуж и произвела на свет наследника престола. Так считали и в Англии, и за рубежом. «Чем больше я думаю об этом деле, – писал Фериа через четыре дня после коронации Елизаветы, – тем больше убеждаюсь, что

¹²⁸ *CSP Span*, 1558–1567, 63.

¹²⁹ *CSP Ven*, 1558–1580, 105; R. Bakan, 'Queen Elizabeth I: a case of testicular feminisation?', *Medical Hypotheses*, July 17.3 (1985), 277–284.

¹³⁰ Chamberlin, *Private Character of Queen Elizabeth*, 67.

все зависит от того, какого мужа выберет себе эта женщина». ¹³¹ Немецкий дипломат барон Поллвайлер в письме императору Фердинанду, написанному примерно в то же время, провозглашал: «Королева достигла такого возраста, что ей, как и любой здравомыслящей женщине, следует желать замужества, дабы о ней заботились... Ее желание оставаться девой и не выходить замуж совершенно необъяснимо». ¹³²

На первой при Елизавете парламентской сессии в январе 1559 г. браку королевы уделялось много внимания. «Ничто не может быть отвратительнее для общего блага, чем видеть, как принцесса, которая своим браком может сохранить державу в мире, ведет холостую жизнь, подобно девственнице-весталке», – провозгласил Томас Гаргрейв, спикер палаты общин. ¹³³ Елизавета ответила на петиции парламента осторожно и весьма уклончиво: «Когда же Богу угодно будет, чтобы я склонила душу свою к иному образу жизни, уверяю вас, я не сделаю и не решу ничего, что шло бы во вред стране». ¹³⁴

Елизавета считалась одной из самых завидных невест в Европе, «лучшей партией среди своих единоверцев», и с са-

¹³¹ J.M. B. C. Kervyn de Lettenhove, *Relations Politiques des Pays-Bas et de L'Angleterre sous le Regne de Philippe II* (Brussels, 1882–1890), I, 295, перевод см.: CSP Span, 1558–1567, 3.

¹³² Victor Von Klarwill, *Queen Elizabeth and Some Foreigners* (London, 1928), 94.

¹³³ William Camden, *Annales*, 26.

¹³⁴ T. E. Hartley (comp.), *Proceedings in the Parliaments of the Reign of Elizabeth I*, in 3 vol. (Leicester, 1981), I, 44–45.

мого начала правления у нее не было недостатка в поклонниках. Среди них были Филипп II Испанский и Эрик XIV Шведский; эрцгерцоги Фердинанд и Карл Австрийский; герцоги Савойский, Немурский, Феррарский, Голштинский и Саксонский, графы Арран и Арундел. Все они стремились заключить крайне важный союз с Англией, дабы сохранить равновесие сил. Габсбурги стремились поддерживать в Англии испанские настроения, так как в то время особенно мощную угрозу представляла Франция: о своих правах на английскую корону заявила Мария Стюарт, невестка французского короля. Хотя Филипп Испанский сожалел о возвращении Елизаветы в протестантизм, стратегические соображения диктовали необходимость сохранения союза с Англией. В первые дни правления Елизаветы Филипп, правда с большой неохотой, сделал предложение бывшей свояченице при том условии, что она вернется в лоно католичества и ему не придется жить в Англии.¹³⁵ Едва ли Елизавета могла согласиться на такой брак, но в предложении, переданном послом Фериа, Филипп называл себя «приговоренным в ожидании своей участи». Позже Фериа пояснял: «Не будь на то Божьей воли... я бы не принял участия в таком деле... Ничто не могло подвигнуть меня на такой шаг, кроме ясного сознания, что Королевство [Англии] много выиграет от его

¹³⁵ Lettenhove, *Relations Politiques*, I, 398–401, перевод см.: CSP Span, 1558–1567, 22–23.

служения и веры». ¹³⁶ Все стороны, скорее всего, вздохнули с облегчением после того, как Елизавета отказала Филиппу; ¹³⁷ впрочем, ей быстро подыскивали другого подходящего кандидата в мужа из династии Габсбургов.

В самой Англии многие хотели, чтобы Елизавета вышла замуж за соотечественника. Брак с иностранцем был чреват опасностями; брак покойной Марии с Филиппом Испанским оставил у многих привкус горечи. Как утверждалось в трактате «Диалог о свадьбе королевы», написанном молодым дипломатом сэром Томасом Смитом, если Елизавета выберет себе мужа-иностранца, она получит «кота в мешке», в то время как англичанин «здесь дома, не его картина или образ, но он сам. Его осанку, цвет кожи, цвет лица и поведение можно увидеть лицом к лицу». Более того, продолжал Смит, можно оценить «его образование и воспитание, ученость, стать и то, в чем находит он удовольствие, чего он лишен, всякий изъян, несовершенство, уродство и тому подобное, что служит ему препятствием, станет очевидно и ясно». ¹³⁸ Среди подходящих женихов-англичан числились граф Арундел и герцог Норфолк, принадлежавшие к высшей аристократии, и сэр Уильям Пикеринг, красивый неженатый сорокатрехлетний придворный, занимавший незначи-

¹³⁶ Цит. по: C. Martin and G. Parker, *The Spanish Armada* (London, 1988), 281.

¹³⁷ *CSP Span*, 1558–1567, 35, 40.

¹³⁸ BL Add. MS 48047, l. 97–135, см.: J. Strype, *The Life of the Learned Sir Thomas Smith*, Приложение (Oxford, 1820), 184–259.

тельную дипломатическую должность.¹³⁹ Пикеринг и Елизавета были старыми друзьями; когда в мае 1559 г. он приехал в Лондон и пришел с визитом, королева тепло приветствовала его и поселила в Уайтхолле. Фериа сообщал, что королева виделась с Пикерингом тайно, а «вчера он приходил во дворец публично и пробыл с ней четыре или пять часов. В Лондоне ставят один к четырем, что он будет королем».¹⁴⁰ Однако дело так ничем и не кончилось.

Второй английский жених, Генри Фицалан, 12-й граф Арундел, не жалел сил для того, чтобы добиться руки Елизаветы, но, как сообщал Фериа, королева только шутила о слухах, ходивших при дворе относительно ее брака с графом. В своей депеше Фериа добавлял: «Она с ним не ладит».¹⁴¹ Арундел был стойким католиком, на двадцать лет старше Елизаветы и, по мнению Фериа, «взбалмошным человеком без особых способностей».¹⁴² Однако Арундел возлагал большие надежды на свое сватовство. В декабре поползли слухи о том, что он занимает деньги и потратил

¹³⁹ См.: Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 52, 53–54, 57, 88, 113.

¹⁴⁰ *CSP Span*, 1558–1567, 64–78.

¹⁴¹ S. Adams, M. J. Rodriguez-Salgado, 'The Count of Feria's Dispatch to Philip II of 14 November 1558', *Camden Miscellany*, 28, Camden Society, is. 4, т. 29 (London, 1984), 331. Arundel – см. BL Royal MS 17 A 19, изданное под заглавием 'The Life of Henrye Fitzallen', by ed. J. G. Nichols, *Gentleman's Magazine*, 103 (1833), 11, 118, 210, 490. Эта анонимная биография вышла в 1580 г., вскоре после смерти Арундела.

¹⁴² *CSP Span*, 1558–1567, 19.

600 фунтов на украшения для одной из приближенных дам Елизаветы, которая замолвила за него слово.¹⁴³ Однако его усилия оказались тщетными. Елизавета давно уже обратила внимание на другого англичанина, Роберта Дадли.

¹⁴³ AGS E 8340/233, l. 20v. Lettenhove, *Relations Politiques*, I, 273, 279, 566.

Глава 6

Компрометирующие слухи

Через несколько дней после вступления на престол Елизавета назначила Роберта Дадли главным конюшим. Он занял один из самых важных постов при королевском дворе.¹⁴⁴ В силу своей должности он оставался единственным мужчиной в Англии, которому официально позволялось дотрагиваться до королевы, так как именно он должен был помогать Елизавете садиться в седло и спешиваться, когда она каталась верхом. На охоте, в поездках и на церемониях Дадли всегда сопровождал ее.

Он был высоким и чрезвычайно привлекательным: смуглый, голубоглазый. Позже Дадли рассказывал французскому послу, что «они подружились, когда ей не исполнилось и восьми лет».¹⁴⁵ Его приговорили к смерти после того, как его отец, герцог Нортумберлендский, летом 1553 г. возглавил заговор с целью посадить на престол леди Джейн Грей. После того как Дадли провел полтора года в Тауэре, его освободили и простили. Ему удалось полностью реабилитироваться

¹⁴⁴ Должность главного конюшего считалась третьей по значимости после главного камергера и гофмейстера. См.: М. М. Reese, *The Royal Office of the Master of the Horse* (London, 1976).

¹⁴⁵ Bibliotheque Nationale de France, Fonds Français MS 15970, l. 14.

на службе у мужа Марии I, Филиппа Испанского. Елизавета и Дадли находились в Тауэре в одно и то же время, в годы правления Марии; несомненно, пережитые страдания укрепили их дружбу. Однако Роберт Дадли был женат. 4 июня 1550 г., за четыре года до заключения в Тауэр, он женился на Эми Робсарт, дочери сэра Джона Робсарта, влиятельного норфолкского землевладельца.¹⁴⁶

Уильям Сесил, Государственный секретарь при Елизавете, еще в начале ее правления предложил отправить Дадли за границу посланником к Филиппу Испанскому, но Елизавета отказалась. Ей нужно было, чтобы Дадли оставался рядом.¹⁴⁷ Как только Дадли узнал, что Елизавета стала королевой, он прискакал в Хатфилд на белоснежной лошади и после того редко покидал королеву. По должности главному конюшему полагалось жалованье в размере 100 марок в год, четыре лошади и собственные апартаменты при дворе, где Дадли почти постоянно жил вдали от жены. С женой Дадли почти не виделся; так как Елизавета очень любила верховую езду и охоту, они с Дадли, которого она называла «милым Роббином», редко разлучались. Как однажды заметил его знакомый, Дадли мог утверждать, что «лучше любого мужчины знает королеву и ее характер».¹⁴⁸

¹⁴⁶ W. K. Jordan (comp.), *Chronicle of Edward VI* (London, 1966), 32–33.

¹⁴⁷ BL Cotton Caligula MS E V, l. 56r; TNA SP 12/1/5.

¹⁴⁸ John Bruce, *Correspondence of Robert Dudley, Earl of Leycester: during his Government of the Low Countries, in the years 1585 and 1586* (London, 1844), 176.

С самых первых месяцев правления Елизаветы придворные обменивались скандальными сплетнями об отношениях Дадли и королевы. Ходили слухи об их ночных свиданиях. Накануне своего отъезда из Англии в апреле 1559 г. граф Фериа писал королю Филиппу о степени близости Дадли и королевы: «За последние несколько дней лорд Роберт вошел в такую милость, что делает что хочет... говорят даже, что ее величество навещает его в его покоях днем и ночью. Некоторые так вольно это обсуждают, что доходят до утверждений, будто у его жены болезнь груди и что королева только и ждет ее смерти, чтобы выйти за лорда Роберта...»¹⁴⁹

Через несколько недель венецианский посол Иль Скифанойя сообщал, что Дадли «в большом фаворе и очень близок с ее величеством». Хотя Иль Скифанойя воздержался от каких-либо обвинений в недостойном поведении, которые могли повредить дипломатическим отношениям, он все же сослался на шокирующие слухи, ходившие при дворе: «По этому вопросу у многих имеется свое мнение, но боюсь, что мое письмо окажется не в тех руках, поэтому лучше хранить молчание, чем говорить дурное».¹⁵⁰ Посол понимал, что его письма могут перехватить, и потому не желал открыто утверждать то, о чем все шептались: что Елизавета и Дадли стали любовниками.

Несмотря на подозрения относительно характера отноше-

¹⁴⁹ *CSP Span*, 1558–1567, 57–58.

¹⁵⁰ *CSP Ven*, 1558–1580, 80.

ний Елизаветы и ее главного конюшего, император Священной Римской империи Фердинанд I горел желанием заключить союз с Англией и в мае 1559 г. поручил своему посланнику Каспару Бройнеру, барону фон Рабенштайну, начать переговоры о браке Елизаветы с девятнадцатилетним сыном императора Карлом фон Габсбургом, эрцгерцогом Австрийским.¹⁵¹ Отказ Елизаветы, которая объяснила, что намеревается в обозримом будущем остаться незамужней, не отпугнул Бройнера: «Среди других принцесс не найдется равных ей в мудрости, добродетели, красоте и пышности фигуры и форм... Более того, я видел несколько принадлежащих ей очень красивых летних резиденций, две из которых внимательно осмотрел, и могу засвидетельствовать, что на свете нет таких богато обставленных дворцов с дорогой мебелью, обтянутой шелком, украшенной золотом, жемчугом и драгоценными камнями. Кроме того, у нее еще около двадцати домов, и все их по праву можно считать королевскими летними резиденциями. Значит, она вполне стоит усилий».¹⁵²

В интересах Габсбургов было сохранять дружеские отношения с Англией; поэтому император пропускал мимо ушей скандальные слухи о Елизавете и Дадли. В письме к старшему сыну, эрцгерцогу Максимилиану, он признавал опас-

¹⁵¹ Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 67–71; CSP Span, 1558–1567, 70–71. См.: S. Doran, 'Religion and Politics at the Court of Elizabeth I: The Habsburg Marriage Negotiations of 1559–1567', *The English Historical Review* 104 (1989), 908–926.

¹⁵² Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 78.

ность и распространенность слухов, но уверял, что они вполне обычное явление и окружают всех непорочных женщин: «Клевета исходит от многих и наносит большой ущерб, и, хотя следует признать, что очень часто злословят даже о женщинах с безупречной репутацией, я не желаю напрасно тратить слова на такое. Однако, – продолжал император, – поскольку поднялся такой шум и поскольку слухи доносятся с разных сторон... вопрос в самом деле щекотлив и очень опасен... Обо всем необходимо как следует поразмыслить». ¹⁵³

Считая, что Елизавету удастся склонить к брачному союзу, Сесил поручил своему доверенному лицу в Германии, Кристоферу Мундту, разузнать все, что можно, о внешности эрцгерцога, его характере, религии и отношении к протестантизму. ¹⁵⁴ Переговорив с фрейлинами королевы, новый испанский посол, дон Альваро де Квадра, епископ Аквильский, вскоре сообщил своему королю, что Елизавета поощряет ухаживания эрцгерцога Карла, во всяком случае, «все ее дамы так считают». ¹⁵⁵ Однако у императора Священной Римской империи зародились сомнения, учитывая вполне очевидное влечение королевы к Дадли, и вскоре он уже не был так уверен, что «хочет отдать ей... сына, если даже она по-

¹⁵³ Ibid., 99.

¹⁵⁴ 'Inquiries to be made by Mundt', 2 june 1559 г., *CSP Foreign, 1558–1559*, 298, 299–300.

¹⁵⁵ *CSP Span, 1558–1567*, 95–96.

просит». ¹⁵⁶

В августе 1559 г. барон Бройнер решил провести собственное расследование и установить, девственница Елизавета или в самом деле вступила в супружеские отношения с Дадли, как подозревали многие. Как он докладывал, «с дня коронации он ни разу не покидал двор; более того, они живут под одной крышей, что лишь усиливает подозрения». ¹⁵⁷ Бройнер нанял агента, Франсуа Борта, который находится «в дружеских отношениях со всеми камер-фрейлинами», чтобы тот выяснил, есть ли за слухами правда. Следствие Бройнера почти ничего не выявило. В зашифрованном послании императору он сообщал, что камер-фрейлины «клянутся всем, что им свято, что ее величество никогда не забывала о своей чести», хотя они и согласны, что королева «выказывает ему свою благосклонность более открыто, чем приличествует ее положению и репутации. Но во всем остальном они ничего не заметили». ¹⁵⁸

Только фрейлины Елизаветы знали правду об отношениях королевы и Дадли. Только они могли поручиться за ее непорочность. Но, хотя публично они всегда первыми кидались на ее защиту и королева могла положиться на то, что они сохранят ее доброе имя, они вполне могли осуждать ее

¹⁵⁶ *Coleccion de Documentos Ineditos para la Historia de Espana*, ed. M. F. Navarete (Madrid, 1842–1895), xcvi, 89.

¹⁵⁷ Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 115.

¹⁵⁸ *Ibid.*, 113–115.

частным образом.

В августе Кэт Эшли упала перед королевой на колени в королевской опочивальне в Хэмптон-Корт и умоляла свою хозяйку выйти замуж и положить конец «компрометирующим слухам» о ее отношениях с Робертом Дадли. Наверняка вспомнив о скандале с Сеймуром десятилетней давности, Эшли считала, что Елизавета ведет себя неподобающим образом, что «марает ее честь и достоинство» и со временем «подорвет в своих подданных» верность, что станет «поводом для кровопролития». Эшли заявила: знай она, чему ей придется быть свидетельницей, она бы скорее «задушила ее величество в колыбели». Такими были слова женщины, которая искренне, по-матерински любила Елизавету. У королевы не было тайн от Кэт Эшли; однажды она заметила: «Я не знаю ничего, чего не знала бы она».¹⁵⁹ Елизавета милостиво отнеслась к откровенным словам своей камер-фрейлины, признав, что они идут «от чистого сердца и искренней преданности». Она заверила Кэт, что подумает о браке, дабы развеять слухи и успокоить подданных, но добавила, что «брак должно хорошо обдумать» и что в настоящее время у нее «нет желания изменять свое положение». Когда Эшли предложила Елизавете разорвать отношения с лордом Робертом, королева сердито парировала, что она «никому не давала повода связывать себя ни с ее конюшим, ни с другим мужчиной, и надеется, что так будет и впредь. Но она знала

¹⁵⁹ Haynes, *Burghley State Papers*, 95.

в жизни очень много горя и печали и очень мало радости. Если она и проявляет снисходительность к своему главному конюшему, то он вполне заслужил ее милость своим благородством и добрыми делами... Ее всегда окружают фрейлины и статс-дамы; в любое время дня и ночи они заботятся о том, чтобы между ней и главным конюшим не происходило ничего постыдного. Если бы она когда-либо и проявляла желание или находила удовольствие в такой постыдной жизни... ей не было бы прощения; но она Богом клянется, что никто из ныне живущих не увидит, как она скомпрометирует себя».¹⁶⁰

Тем не менее слова Кэт Эшли задели Елизавету; когда через несколько дней ее посетил Бройнер, он нашел ее «несколько удрученной» и «окруженной прошениями выйти замуж». Как королева сказала послу, она «скорее умрет, чем ее страна понесет ущерб или потерю» и потому готова выйти даже «за самого низкорощенного своего подданного, лишь бы не давать повода дурно думать о ней».¹⁶¹ Камер-фрейлины поведали Бройнеру, что королева пребывает «в меланхолии», спала ночью «не более получаса» и проснулась «бледная и слабая».¹⁶² Вскоре после того у Елизаветы начался сильный жар.¹⁶³ Французский посол назвал болезнь

¹⁶⁰ Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 113–115.

¹⁶¹ Ibid., 120.

¹⁶² Ibid., 120–121.

¹⁶³ Там же.

fièvre quarte, лихорадкой, которая появлялась раз в четыре дня, и сообщил, что у врачей королевы «большие сомнения в ее выздоровлении».¹⁶⁴ Сразу поползли тревожные слухи. «Я наказал нескольких, – писал в середине августа графу Бедфорду один крупный девонский землевладелец, – за толки о смерти ее королевского величества; так же, насколько мне известно, поступили и другие в других частях графства».¹⁶⁵

Де Квадра, испанский посол, вскоре пришел к выводу, что Елизавета неискренна. Она, как писал де Квадра, «только что дала 12 тысяч фунтов лорду Роберту на расходы». Де Квадра считал, что Елизавета «коварно обращает общее мнение к своей выгоде, так как стремится успокоить католиков, которые желают этого союза, и удовлетворить всех, кому не терпится выдать ее замуж и кто смущен ее поступками».¹⁶⁶ Однако через несколько дней, к удивлению посла, ему снова подали надежду. Де Квадре нанесла неожиданный визит сестра Роберта Дадли, леди Мэри Сидни. Мэри, рыжеволосая ровесница королевы, была образованной, хорошенькой и политически подкованной молодой женщиной. Они с Елизаветой были знакомы с детства, а после того, как ее брат стал фаворитом, особенно сблизились.¹⁶⁷ В день коронации

¹⁶⁴ TNA SP 31/3/24, l. 111r.

¹⁶⁵ TNA SP 12/6/23, l. 39r.

¹⁶⁶ *CSP Span*, 1558–1567, 77.

¹⁶⁷ См.: Michael G. Brennan, Noel J. Kinnamon and Margaret P. Hannay, 'Robert Sidney, the Dudleys and Queen Elizabeth', см.: Carole Levin, Jo Eldridge Carney and Debra Barrett-Graves, eds, *Elizabeth I: Always Her Own Free Woman* (Aldershot,

Елизавета назначила Мэри камер-фрейлиной «без жалования»; впоследствии она служила королеве в перерывах между родами (у Мэри было пятеро детей). Помимо того, она управляла Пенсхерст-Плейс, фамильным имением в Кенте, и поддерживала своего мужа, сэра Генри Сидни, в Ирландии и на болотах Уэльса.¹⁶⁸

Придя к испанскому послу, Мэри сказала, что Елизавета передумала: она все же решила выйти замуж и хочет, чтобы ее брак с эрцгерцогом Карлом «был устроен побыстрее».¹⁶⁹ Говоря по-итальянски – Мэри бегло говорила на нем, – она заверила посла, что действует с ведома королевы; под страхом смерти она не сказала бы ничего подобного, если бы это не было правдой. Она просила де Квадру начать с королевой переговоры о браке и предупредила, чтобы он не сомневался, видя нежелание Елизаветы, потому что «у наших дам в обычае не давать своего согласия в таких делах, пока их не упроят».¹⁷⁰

Слова Мэри Сидни подтвердил сэр Томас Парри, казначей двора; он сообщил де Квадре, что королева накануне вечером вызвала к себе его и леди Сидни и сказала, «что свадьба стала необходимой».¹⁷¹ По их мнению, Елизавета ре-

2003), 20–42.

¹⁶⁸ О назначении Мэри Сидни во внутренние покои см.: TNA LC 2/3/4, l. 53r; TNA LC 2/3/4/104.

¹⁶⁹ *CSP Span*, 1558–1567, 95–96; BL Add. MS 48023, l. 352; TNA SP 12/1/1, l. 5.

¹⁷⁰ *CSP Span*, 1558–1567, 95–96.

¹⁷¹ *Ibid.*, 96.

шилась вскоре после того, как был раскрыт заговор с целью отравить королеву и лорда Роберта на банкете, который устраивал граф Арундел. По словам де Квадры, «королева была сильно встревожена», и этот заговор «вместе с французскими приготовлениями к войне за Шотландию, похоже, вынудили королеву решиться на брак». ¹⁷²

Вновь воспрянув духом, посол поплыл на барке в Хэмптон-Корт, но испытал жестокое разочарование, обнаружив, что Елизавета относится к браку противоречиво. «Единственный ответ, который я получил, – пишет он, – состоял в том, что она еще не решила, выходить ли ей замуж, но, если она все-таки решится, я могу быть вполне уверенным в том, что выйдет она только за самого высокопоставленного и самого лучшего». Посол отправился к Мэри Сидни и выразил ей свое удивление тем, что «ее величество не говорила яснее» о вновь проснувшемся интересе к эрцгерцогу. Мэри поспешила заверить его в обратном и побуждала не сдаваться. ¹⁷³

Судя по всему, Елизавету беспокоили слухи о ее отношениях с Дадли. После «дела Сеймура» она усвоила горький урок. Ей уже пришлось быть свидетельницей тому, как непристойные истории набирают обороты и распространяются внутри страны и за границей. В позднейшем разгово-

¹⁷² Lettenhove, *Relations Politiques*, II, 9–10, 13, 19–22, 28–29; AGS E 812, I. 105; CSP Span, 1558–1567, 95–96; Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 123–126.

¹⁷³ Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 125.

ре с де Квадрой Елизавета призналась: она боится, «что он, возможно, разочарован» тем, что узнал о ней, и что «в стране есть люди, которые получают удовольствие, болтая все, что приходит им в голову». Как подчеркнул де Квадра, королева произнесла все это «с некоторыми признаками стыда». ¹⁷⁴ Он заверил ее в том, что, «будь что-то, чего эрцгерцогу не следует слышать или знать, мысль о его приезде не занимала бы нас». Елизавета, по ее словам, тревожилась: если переговоры прервутся, эрцгерцог может воспользоваться «праздными толками», которые ходят о ней, в ущерб ее чести. Но, как сухо заметил де Квадра, «с этой точки зрения я ни о чем не сожалел, так как страх мог оказаться не без выгоды для нас». ¹⁷⁵

К середине октября испанский посол вновь преисполнился уверенности: «Она в самом деле так же настроилась на свадьбу, как и ваше величество», – и посоветовал незамедлительно прислать эрцгерцога в Англию. ¹⁷⁶ Но было уже поздно. Император Священной Римской империи утратил интерес к переговорам и не позволил своему сыну покидать Австрию, поскольку никто не мог поручиться за успех его миссии. ¹⁷⁷ Даже воодушевление Мэри Сидни по поводу брака с Габсбургом как будто остыло. В ноябре де Квадра писал:

¹⁷⁴ *CSP Span*, 1558–1567, 104.

¹⁷⁵ *Ibid.*

¹⁷⁶ *Ibid.*, 101–102.

¹⁷⁷ Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 125.

по его мнению, Дадли «сделал сестре выговор, так как она завела дело дальше, чем он того желал». Когда посол снова встретился с Елизаветой, она объявила, что на свадьбе настаивал некто, «имеющий намерения самые добрые, однако без каких-либо полномочий». Как писал потом де Квадра, «поскольку я вынужден кого-то обвинить... я обвиняю только леди Сидни, хотя, по правде говоря, она виновата не более, чем я, как я и сказал ей в беседе с глазу на глаз». Более того, именно изменения в поведении Мэри Сидни подсказали послу, что переговоры зашли в тупик: «Как только я узнал, что леди Сидни сомневается и жалуется на королеву и своего брата, я решил, что будет лучше положить конец неуверенности».¹⁷⁸

Никакого заговора с целью убийства королевы и Дадли на банкете у Арундела не было; все придумали, чтобы убедить де Квадру в желании Елизаветы выйти замуж. После смерти Генриха II в июле 1559 г. и вступления на престол пятнадцатилетнего Франциска, мужа Марии Стюарт, возникли серьезные опасения франко-шотландского альянса. Французы день ото дня увеличивали численность своих войск в Шотландии; Елизавета боялась войны на северной границе. В октябре де Квадра просил своего коллегу в Риме «позаботиться о том, чтобы французы не подкупили нового папу и не вынудили его возбудить процесс против [английской] королевы на основании притязаний королевы Шотландии, что

¹⁷⁸ *CSP Span*, 1558–1567, 111.

произвело бы большой урон здесь и повсеместно перед свадьбой». ¹⁷⁹ Под видом переговоров о браке, которые непреднамеренно поощряла леди Сидни, королева надеялась сохранить доброе расположение Габсбургов на фоне французской угрозы и в то же время отвлечь внимание от своих скандальных отношений с Робертом Дадли.

Елизавета воспользовалась политической «подкованностью» Мэри Сидни, а также ее семейными связями при испанском дворе; сэра Генри Сидни последние годы не раз посылали с поручениями в Испанию, и он завязал такие добрые отношения с королем Филиппом, что в 1554 г. Филипп стал крестным отцом его первенца, Филипа Сидни. Мэри попросту использовали; узнав правду, она потребовала встречи с королевой. Несмотря на то что ее предупреждали о «нерасположении» Елизаветы, леди Сидни была непреклонна. Она, по ее словам, «ничьего мнения не спрашивает и пойдет к королеве всем назло». Она сказала де Квадре: даже если ее отправят в Тауэр, «она не перестанет говорить о том, что происходит, и что ее худший враг – ее брат [лорд Роберт]». ¹⁸⁰ Она намерена отстоять свою честь, даже если «это будет стоить ей жизни». ¹⁸¹ По словам Мэри Сидни, Фрэнсис, леди Кобэм, которую де Квадра называл «обер-гофмейстериней», также «поощряла ухаживания эрцгерцога» и тоже за-

¹⁷⁹ Ibid., 104, 105.

¹⁸⁰ Ibid., 114; Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 161.

¹⁸¹ Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 161.

няла сторону эрцгерцога Карла.¹⁸² Испанский посол понял, что перед ним разыграли фарс. «Она не настроена серьезно, – писал де Квадра, – но хочет лишь потешить чернь надеждой на брак, дабы спасти жизнь лорда Роберта. Он настроен весьма подозрительно, так как его снова предупредили о готовящемся на него покушении, во что я вполне верю, ибо ни один человек в Англии не выносит мысли о том, что он станет королем».¹⁸³ На сей раз то были не просто слухи. «Позавчера раскрыт заговор с целью убийства лорда Роберта, и теперь все только об этом и говорят», – сообщал позже де Квадра. Впоследствии стало известно, что Дадли носил под одеждой «защитную куртку», дублет, изготовленный гринвичскими оружейниками, – что позволяет предположить, что он отнесся к угрозам вполне серьезно.¹⁸⁴

Де Квадра узнал «некоторые необычайные вещи» и уверял, что враги Дадли в Тайном совете не делают тайны из «своего дурного мнения о его близости с Елизаветой». Ходили слухи, что Дадли намерен отравить свою жену, дабы освободиться и жениться на Елизавете. «Все считают, что королева не выходит замуж по его вине; даже его родная сестра и друзья относятся к нему недоброжелательно». Елиза-

¹⁸² Другого указания на то, что леди Кобэм была назначена обер-гофмейстериной, нет. Ibid., 475.

¹⁸³ *CSP Span*, 1558–1567, 115.

¹⁸⁴ *Household Accounts and Disbursement Books of Robert Dudley, Earl of Leicester, 1558–1561, 1584–1586*, ed. S. Adams, Camden Society, is. 5, т. 6 (Cambridge, 1995), 151.

вету неоднократно предупреждали «демонстрировать больше благоразумия и не давать никому повода подозревать ее в связи» с ним.¹⁸⁵ Де Квадра все меньше верил уверениям Елизаветы в ее невинности; она часто говорила ему, что мечтала стать монахиней и проводить время в келье за молитвами. Он узнал «важные вещи того сорта, о котором нельзя писать» и сообщал графу Фериа, что в Елизавете кроется «сотня тысяч демонов».¹⁸⁶

К концу января 1560 г. переговоры о браке Елизаветы с эрцгерцогом Карлом официально закончились, и по двору поползли зловещие слухи, что Елизавета сама очень старалась расстроить этот союз. Сэр Томас Чалонер писал из Брюсселя о том, какое потрясение он испытал, узнав, «какие вольности позволяют себе некоторые, говоря... о человеке, которому, по их мнению, оказывают слишком большую милость. По-моему, вы догадываетесь, кого они называют... так как я считаю такие разговоры клеветой». Но, как и предупреждал Чалонер, хотя слухи могли оказаться ложью, тем не менее Елизавете следовало вести себя осторожнее, чтобы не давать пищи сплетникам: «Молодой принцессе лучше переусердствовать с осторожностью, следить за выражением своего лица, за изъяснением родственных чувств, не выказывать благосклонности более одному, чем другому... из-за проволочки с браком опасность угрожает не только стране

¹⁸⁵ Von Klarwill, *Queen Elizabeth*, 157.

¹⁸⁶ *CSP Span*, 1558–1567, 119.

(ибо без потомства ее величества мы лишаемся надежды), но дело теперь у всех на устах и порождает клеветнические измышления». ¹⁸⁷

¹⁸⁷ *An anonymous mid-Tudor chronicle*, BL Add. MS 48023, l. 352. Lettenhove, *Relations Politiques*, II, 123–124.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.